

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**СВОБОДА
ОТ СЕБЯ**

Оглавление

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	8
ПРОЛОГ.....	10
Глава 1	13
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	39
ЧАСТЬ 2.....	41
Глава 1	41
Глава 2	44
Глава 3	48
Глава 4	52
Глава 5	55
Глава 6	59
Глава 7	61

Глава 8	75
ЧАСТЬ 3	79
Глава 1	79
Глава 2	84
Глава 3	88
Глава 4	93
Глава 5	96
Глава 6	96
ЧАСТЬ 4	98
Глава 1	98
Глава 2	102
Глава 3	104
Глава 4	106
Глава 5	112
Глава 6	116
Глава 7	119
Глава 8	122
Глава 9	126
ЧАСТЬ 5	128
Глава 1	129
Глава 2	130

Глава 3	132
Глава 4	134

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

С.А.

Зелинский

**Свобода от себя, или
жизнь на грани
реальности**

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский
Свобода от себя, или жизнь на грани
реальности

С. А. Зелинский.
Свобода от себя, или жизнь на грани
реальности. Роман.— CANADA.: Altaspera
Publishing & Literary Agency Inc, 2014. — 99 с.

ISBN 9781312300101

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Свобода от себя, или жизнь на грани реальности

Вместо предисловия

Это, по сути, лишь малая часть мыслей и жизни Алексея Амосова. Сам Алексей быть может и несколько иначе изложил бы материал. Да и событий вполне возможно что было бы несколько больше. Но уже с другой стороны, излишняя отягощенность материалом вполне логично что способна была бы увести лишь в сторону. Когда запутывается повествование, а сам герой предстает чуть ли и не в совсем ином свете, чем это могло быть, а то и было на самом деле. Наверное действительно было. Тем более что о себе Амосов высказывался крайне редко и очень неохотно.

И все же создавалось впечатление, что он искренне хотел, чтобы о нем слышали другие. Хотел рассказать что-то такое, что помогло бы понять его как просто человека. Одного из тех людей, которые населяли землю.

Сложно до конца представить, как могла бы сложиться жизнь Алексея. Жизнь настоящая, не вымышленная; хотя и всегда достаточно сложно уловить где проходит тот раздел, отделяющий настоящую жизнь, жизнь реальную, от тех полувымышленных иллюзий, которые конечно же представлены в книге, и которыми, по сути, так изобилует любая жизнь. Ведь если исходить

из того диалектического единства что как бытие определяет сознание так и в отдельных случаях сознание бытие,-- достаточно сложно (а то и невозможно) ответить на вопрос: насколько и где сливалась реальная жизнь Алексея с жизнью вымышленной? И насколько могло произойти когда-нибудь так, что он сам, чувствуя подобное, попытался бы что-нибудь изменить?

Нет, на этот вопрос сейчас ответить невозможно. По крайней мере, Алексей наверное и не ответил.

Но вполне возможно, что мы ошибаемся. И в том, что последует ниже, как раз и будет заключена та правда, которой так всегда мало, но которая необходима во все времена.

Мы могли бы также сказать, что у Алексея остались какие-то дневниковые записи. Но, во-первых, попали они к нам лишь уже когда повествование об Алексее Романовиче Амосове подходило к концу. А во-вторых, сами по себе ничего не проясняли. А то и еще больше запутывали ситуацию. И потому нами было принято решение не менять ход игры, оставив все так, как если и не было до конца, но наиболее отчетливо виделось. Но уже после, когда книга была уже закончена, мы все же не смогли уйти от искушения прочитать оставшееся после Алексея небольшое наследие. И после некоторых раздумий - внести ряд уточнений в общий ход повествования. При этом не меняя главного, что мы рассказали об Алексее, и что как убедились - оказалось более чем верным.

Ну, или почти верным. Тем более что на том заключительном этапе работы над рукописью записи Алексея действительно в какой-то мере помогли нам. Притом что эти записи изобиловали как реальными случаями, произошедшими с ним, так и некоторыми фантазиями, или лучше сказать - иллюзиями того происходящего, которое если и не происходило в реальности, то что уж точно, прокручивалось Алексеем бессознательно. Задавая последующий ритм работе мозга, и рождая те установки, которые рождали в мозге устойчивые доминанты, будя архетипы и формируя определенные паттерны поведения. Паттерны будущего поведения Алексея Романовича Амосова. Человека, о котором и будет наше повествование.

Пролог

(Вступление от главного героя)

Я конечно во многом не виноват. Часто размышляю об этом в последнее время, и думаю, что, по сути, при соответствующих обстоятельствах становится возможным нащупать ту правильную нить в собственных рассуждениях, которая оказалась бы способной привести к единому знаменателю, упорядочив, собственные мысли. Хотя и бесспорно, не все так просто, как это хотелось бы представить мне самому. Мне - и для себя. Притом что как раз себя я давно уже понимаю. Или же,-- говорю себе,--мне кажется что понимаю, и при этом, погружаясь в какую-то

лавинообразную массу всего несбывшегося в жизни, вижу, что при случае я как будто бы и ошибаюсь. Что на самом деле, если подойти к подобным размышлениям с совсем иным подходом (так, как это, вероятно, и должно быть), я нахожу, что то, что я по наивности интерпретировал как ошибки, усматривая при этом некий злой умысел кого-либо, на самом деле, во-первых, свидетельствовали сами по себе что виноват исключительно я один; и во-вторых (что самое главное) - все это являлось лишь неким подтверждением того обстоятельства (до которого, замечу, я честно делал попытки додуматься ранее), что все факты совершенного необходимо считать ничем иным, как помощью мне со стороны судьбы. Ведь именно таким образом, пусть и болезненным для психики, судьба предоставляла мне возможность провести анализ совершенного, а значит и не допустить подобное в будущем.

Анализ я, конечно, совершал. А еще вернее - делал попытку оного. Попытку - потому как, если судить о результатах, то как раз положительного результата как такового не было. А значит было и продолжение совершения подобных ошибок впредь. При этом потребовалось достаточно долгого времени, в продолжении которого я максимально, как сейчас понимаю, загонял себе внутрь, в глубины психики, какое-либо желание к избеганию подобного впредь. Справедливо даже говорить о том, что я сам себя мучил, накручивая тучи невообразимого; и страдая уже

из-за этого - получал какое-то внутреннее удовлетворение за собственные страдания. Этаким, если позволите, моральный мазохизм, когда человек намеренно (бессознательно) обходит пути собственного спасения. Даже наоборот - еще более погружая себя в пропасть, из которой, по сути, всегда не так-то и легко выбраться. А я, когда оказывалось так, начинал жалеть себя (тоже, видимо, бессознательно). А и жалея, уже не так критически относился ко всему тому, что способно было привести к исцелению.

Можно было бы сказать "долгожданному" исцелению, да вопрос - так ли я желал этого. Ведь на самом деле (как становилось уже понятным) я словно бы намеренно загонял себя, поднимая со временем планку до невероятных высот, поднявшись на которые стал заложником собственного положения. Потому как совсем не представлял себе, как должно все выглядеть действительным образом, по настоящему, потому что, получается, как раз это настоящее я и потерял. Потерял, и совсем не знал как найти, да и где, собственно, искать. И что уж точно - искал совсем не там, где оно скрывалось. А то и не скрывалось, а просто пребывало до времени. А я, думая что его уж точно там нет, рылся периодически в пучинах и вовсе чего-то несуществующего. И даже если предположить, что, находясь там, мог со временем выбраться наружу, все это все равно приводило к различного рода осложнениям. В которых вскоре я или совсем запутался, или был на грани этого. И ведь как ни крути, а не

было тогда у меня четкого понимания ситуации. Понимания выхода из нее. Понимания того, что, собственно, способно будет привести к той победе, которая, наверное, и должна была со временем произойти. А может и произошла.

Почти запутался... Но и в этой запутанности, как понимал, тайлось нечто, что могло, по сути, привести к чему-то необходимому, и непременно важному. Тому, что было на самом деле. И тому, что я таким сложным образом старался увидеть.

Глава 1

Трудно сказать, когда впервые пришла идея начать писать что-то подобное. Тут словно бы и вообще, особо не до мыслей. Хотя он заметил, что те приходят с поспешной регулярностью; иной раз от этой спешки какое-то время даже наслаиваясь друг на друга, пока словно начинают понимать, что этого делать не стоит (зря да напрасно), и вновь не становятся в некое равноденствие; а значит, жизнь продолжает идти, не обращая внимание на детали, которые, впрочем, возникают как будто бы и независимо ни от чего, хотя и нельзя сказать, чтобы сами по себе.

Амосов неторопливо поднялся с кресла и принялся расхаживать взад-вперед по небольшому кабинету, методично отмеривая шаги и отчитывая счет в одному ему известной последовательности. С недавних пор Алексей стал замечать те детали, которые ранее как будто бы упускал из виду, но сейчас,

принимаясь анализировать их, допускал, что делал это не только не преднамеренно, но и словно бы вовсе не по собственной прихоти.

--Странное дело,--сказал он себе, на миг испугался излишней, как показалось, глухоты голоса, тут же обвыкся, и стал бы может размышлять дальше (вслух, как привык в последнее время), да вспомнил что есть у него еще недоделанные дела, наскоро оделся и вышел на улицу.

Жил Амосов в небольшом городке на Северо-Западе большой страны, именуемой Россией. Хотя если разобраться, Амосов (высокий, сухой, 45-47 лет) никогда не называл Россию своей родиной; быть может потому, что он не знал на самом деле где родился? Вырос он в семье, которая, при достижении Алексеем 18 лет эмигрировала в Пакистан (дочь названных родителей, сводная сестра Алексея, вышла замуж и вызвала родителей на родину мужа), оставив Алексею квартиру,-- и все, что было в ней.

В первые годы жизни Алексей продал почти все что было в квартире (решив про себя что как только пойдут лучше дела купит вновь, уже другое, новое), чуть было не продал квартиру, да как раз тогда одумался, взялся за себя, стал учиться, и шел как будто бы гору до 30 лет, как вдруг внезапно попал сначала в тюрьму, потом на зону, где провел пять лет, вышел на свободу, снова "сел", и после того как вновь вышел, решил "завязать" (хотя помнил, что не развязывал; да и сидел по политическим статьям, по глупости, как теперь считал,

связавшись с партией экстремистского толка, ставшей со временем вне закона). Как бы то ни было, за время уголовно-политического прошлого Алексей Романович закончил вуз (философский факультет), после выхода защитил диссертацию (политология), вновь, было, примкнул к какой-то партии (как будто набравшей обороты), да вовремя спохватился, запил, а после несколько месячного запоя оказалось, что о нем благополучно забыли, чему он, признаться, и был несказанно рад.

Сейчас Амосов жил, как и прежде, один, в той самой квартире, которую ему оставили когда-то, и которая чудом сохранилась за ним за время всех пертурбаций; работал он нерегулярно, пописывая статейки в какие-то второсортные журнальчики, и получая более чем скромные гонорары, но оставался этим доволен, потому что в результате подобной деятельности общество давало ему ту свободу, к которой, как оказалось, он все время и стремился. А самое главное, общество, социум, освобождало Амосова от тех обязанностей, которыми уже так или иначе скован любой гражданин (разве что если только такой гражданин и не совсем гражданин, а какой-нибудь не ярко выраженный маргинал).

Маргиналом Амосов не был. Или если можно так было сказать, он был умным маргиналом, потому как ему удавалось совмещать свободу, и при этом оставаться гражданином, то есть индивидом, наделенным не только правами но и обязанностями по отношению к тому обществу, в котором проживал.

Глава 2

--Ты не должен раскаиваться в совершенном,-
-смотрел на маленького Алексея псевдо-отец.--
Если что-то решил - выполняй не раздумывая.
А если кто-то стоит на пути - бей.

Амосов, вспоминая сейчас, не раз удивлялся, как ему тогда, в детстве, чудом удалось сохранить свою генетическую индивидуальность, не попав под влияние человека, который назывался его отцом, но не был родителем. Причем как раз к знанию об этом факте относил Алексей то, что не поддался влиянию (воспитанию) человека, назвавшегося его отцом. Человека, который, как узнал Алексей, убил его родного отца (случайно, на охоте), и словно в искупление вины - взяв на воспитание Алексея, которому было тогда три года, и можно было сказать, что он ничего не помнил.

А он помнил. Он помнил все, что было с ним начиная с года. Алексей вообще обладал некоторыми редкими качествами, наличие которых вдруг осознал после того, как на его глазах из окна выбросилась мать, которой сообщили страшную весть о смерти мужа.

Сейчас, когда прошли годы, Алексей Амосов (фамилия у него осталась родного отца) понимал, что слишком рано его психика испытала столько потрясений, при которых только ничтожно малый процент людей мог остаться адекватными в своей жизни в социуме, а большинство или сразу сходило с ума, или

откровенно деградировало со временем, спиваясь, или затуманивая сознание наркотическим дурманом. А он выжил. Причем он не только выжил, но и явно доказал возможность выживаемости даже с учетом тех жизненных обстоятельств, в которые периодически погружала его судьба, выкидывая все новые коленца, и не успокаиваясь практически вплоть до тех пор, пока не миновало Алексею 40 лет; но и тогда еще какое-то время вроде как не хотело уgomониться, пока, наконец, не оставило в покое резко состарившегося (и рано повзрослевшего) Алексея.

На самом деле Алексей не очень любил вспоминать о прошлом. И несмотря на то, что ностальгия вызывала приятные напевы в душе, Алексей тем не менее словно бы наказывал себя, ограничиваясь в воспоминаниях, и сводя сам фактор возникновения их почти на нет. Ему так было спокойнее. Ему от этого становилось спокойнее. Потому как уже получалось, что как раз подобные вариации с прошлым (а он мог как прятать воспоминания в тайники души, так и наоборот, словно назло себе - вызывать их) каким-то незамысловатым образом успокаивали его. Отчего Алексею (в его душе) становилось поистине спокойно, комфортно, и вообще, все это словно бы наталкивало на позитивную деятельность, хотя и к какой-то особой деятельности Алексей не стремился, признавая про себя, что ему все же намного привычней если и находится среди общества, то пребывать вдали от него.

Амосов иногда готов был запутаться в том, каким являть себя для окружающих, но практически некогда не переживал за то, каким ему оставаться в душе. Ибо в душе своей Алексей пребывал в полной гармонии. Знал и любил жизнь (насколько это любовь предполагалась в его видении значимости подобной любви, или "любви", как на пример Милана Кундеры он называл ее), да и вообще, судя по всему, Алексей играл и с жизнью, и с производными жизни в некие прятки, или лучше сказать - загадки. Причем загадки задавал он с таким расчетом, чтобы не отгадывать их. Даже как будто и не забывая, а просто не обращая внимание на возможность ответов. Для него это было уже не важно. Также как и почти совсем неважно то многое, что было или могло быть вообще в жизни. Он просто смотрел на жизнь по-другому, своим, каким-то особым взглядом, и вообще, если разобраться, любил жизнь, но такой же какой-то своей любовью.

И при этом Алексей вполне допускал возможную непонятность своей жизни окружающим. А по сему (словно специально для этого) сделал ряд заготовок, на случай необходимости в потребности разъяснений.

Так называемые "заготовки" состояли из нескольких пунктов, из которых, как оказалось, самому Алексею было необычайно трудно выделить что-то главное, поэтому он использовал их все, но не разом (разом они могли начать противоречить друг другу), а под безличностными именами; причем совсем скоро

оказалось, что как раз такое деление есть наиболее удачный вариант объединения на первый взгляд вроде как несовместимых понятий. Например...

Впрочем, что касается перечисления, то Алексей не только не практиковал подобное лишней раз, но и даже не фиксировал на бумаге, держа исключительно в памяти, и полагаясь на то, что когда это потребуется, жизнь сама все расставит на свои места. Да ему так было и спокойнее.

Алексей вообще, если подойти к изучению его личности более внимательно, оказывался человеком интересным, заинтересованным в постоянном совершенствовании себя, и при этом человеком достаточно скрытным, чтобы оказаться понятым остальными. Притом что многие могли сказать что его понимают (или понимали), но и при этом до конца уверенным в этом не мог быть никто. Тем более что получалось так, что Амосов словно сознательно вводил всех в заблуждение собственными поступками (характером их, направленностью, да и видимо самим фактом возникновения). Потому как совершая поступки, он, казалось, говорил направленностью действия поступка (любой поступок мог иметь или не иметь собственную направленность в секторе провоцирования соответствующей реакции у того, в зоне видимости которого произошел поступок), что, мол, вот он я. Что хотел то и сделал.

А ведь на самом деле это было не так. Но то, что это было не так - понимала лишь

исключительно малая часть людей. Тогда как другие ошибочно судили по поступкам о личности Амосова, и тем самым попадали впросак, когда по прошествии какого-то времени Алексей Амосов совершал поступок совсем иного рода, словно намеренно запутывая тех, кто уже посчитал что понял Амосова.

Почему так происходило? Почему Амосов сознательно запутывал всех?

Ему так было спокойнее, да и, по сути, нравилось. Но ключевым словом, конечно же, было "спокойствие".

И Алексею действительно и всегда становилось спокойнее, когда он знал, что другие сбиты со следа. Что личность его никто до конца не изучит. Что он может в любое время (или практически в любое) быть предоставлен самому себе. Что жизнь, в общем-то, продолжается. И что еще ничего не произошло такого серьезного, после чего он мог бы начать бить тревогу. Да и о какой тревоге могла идти речь, когда вся жизнь Алексея Амосова фактически была вымышлена да надуманна. А через годы подобного существования он уже и сам запутался, где был настоящим, а где вымысел чистой воды. Притом что водку Амосов одно время пил реже, чем пиво. Но когда понял, что не только уходит благодаря пиву в мир собственного бессознательного, но и есть вероятность, что он может от туда не вернуться, Алексей пить прекратил. Разом и навсегда.

Глава 3

Ему, конечно, приходилось трудно. Необходимость все время подстраиваться под правила, общепринятые нормы в обществе, как бы удручали его. Хотя он не показывал вида и жил почти обычной жизнью. Почти...

А еще ему очень хотелось излить кому-нибудь душу. Видимо этим обстоятельством объяснялось то, что он иной раз бывал не в меру откровенен с совсем незнакомыми людьми (т. н. "шапочное" знакомство), но при этом в другой раз мог закрыться перед как будто близкими друзьями; после чего начинал пить.

Впрочем, пить с недавних пор он действительно бросил. И не только пиво, но и вообще сначала снизил до минимума употребление алкоголя, а после и исключил его вообще. Потому что вдруг понял, что не может никому доверять. А если так, то, как посчитал, должен исключить те состояния, в которых оказался бы бессилён против возможной агрессии извне. И хоть подобной агрессии, по сути, никогда и не было, Алексей тем не менее со временем выработал для себя определенные модели поведения. Следование которым помогали ему адаптироваться к жизни в социуме. Не переживая, и, собственно, не особенно и заботясь о себе. Это, кстати, была еще одна достаточно характерная черта этого человека. На первом месте для него всегда было дело, и лишь после - удовлетворение каких-то личных амбиций.

Впрочем, как понимал Алексей, подобное оказывалось вообще весьма характерно для психики людей на постсоветском пространстве. В течении 70 лет существования советской власти ("самой лучшей власти",--как считал Амосов) в сознание и подсознание граждан внушалась мысль о первостепенной важности заботы в первую очередь о других, об обществе, нежели чем о себе. И как понимал Алексей (еще ближе в последнее время подошедший к социологическим исследованиям и философским умозаключениям), это должно было оставить свой след в психике индивида и масс. Остаться, так сказать, перейти филогенетическим путем в жизнь следующих поколений. Поэтому он, в общем-то, мог быть доволен, что хотя бы в глубине души его мысли оказывались схожи с мыслями других людей, воспитывавшихся когда-то вместе с ним на советском - теперь постсоветском, сейчас был восьмой год второго тысячелетия,-- пространстве.

Глава 4

Выдумывая новые формы трансформации развития психики, Михаил Каротин видел в подобном чуть ли не некий ключ вообще к постижению тайн и законов мироздания. Хотя Михаил и мог бы признаться что с полным правом ошибается что это так. Но и в самой ошибке он при этом предусматривал необходимость. Потому как, в случае, если бы

когда-нибудь его исследования зашли бы в тупик,-- он мог бы, в этом случае, с полным правом отказаться от них, сославшись как раз на возникновение и устойчивую детерминацию подобной ошибки. А значит, уже получается, оказывался способен в последствие избежать ошибки еще большей.

Подходя к вопросу влияния собственной психики на психику окружающих (Каротин, философ по образованию, иной раз занимался подобными вопросами), Михаил Ефимович находил у различных людей порой удивительные особенности проявления влияния на их психику (а значит и последующую трансформацию в поведении) окружающей среды. Он как бы замечал, что если к подобному вопросу подходить более серьезней, то можно было бы вообще добраться до многого в постижении психики.

А самое главное, Каротину это нравилось. Он, можно сказать, не мог жить без проведения каких-либо исследований. Причем тут стоило предположить, что природа сыграла с Каротиным определенную шутку. Вернее - шутка могла получиться вначале, когда закончивший ПТУ молодой человек вдруг принялся рассуждать о вечных проблемах, ставящих иногда в тупик профессоров ЛГУ. При этом сам Михаил понимал, что сгустки правды и здравого смысла иной раз размывались таким его невежеством, что молодой человек срочно засел за книги, пошел учиться, и вскоре - особенно после получения диплома о получении высшего философского

образования - понял, что оказался не только способен нащупать правильную нить собственных исследований, но и если в течении длительного времени будет продолжать погружаться в подобные проблемы, сможет получить от жизни несравненно больше понимания, нежели чем это было раньше.

А потом случился ступор, и Михаил хотел застрелиться. За неимением оружия он бросился было с окна, да не рассчитал этаж, сломал обе ноги, почти год провалялся по больницам, вышел, и одновременно с выздоровлением - окончательно выбросил из головы всякую чушь, решив заниматься исключительно делом.

Дело, впрочем, все время оказывалось не выбранным. Он уже так и этак подходил к разрешению вопроса, стремился то максимально упростить, то наоборот - увеличить процент сложности в разрешении той или иной задачи, зачем-то даже стал изучать математику, но вовремя одумался. В общем, шатало его из стороны в сторону, пока Михаил Ефимович Каротин не встретил Алексея Амосова. Амосову на тот момент было 39 лет, Каротину 40. Они подружились. Стали много общаться. Причем в общении Каротин, чувствуя превосходство Амосова, бессознательно стремился снизить подобное влияние, пока не смирился с этим, и, собственно, как раз в то времени можно было признать что его психика наконец-то добрала ту дозу необходимой уверенности в себе, после чего подобное как-то благосклонно разошлось на обоих товарищей, что, видимо, еще более

сблизило их. По крайней мере, это чувствовали они оба. А значит, была высока вероятность того, что это и действительно оказывалось так. Хотя, опять же, теперь уже в Алексее Амосове стала вдруг превалировать критичность. И если ранее к каким-то жизненным обстоятельствам он относился весьма поверхностно, то теперь наоборот, стал все подвергать обязательному сомнению. Ему так было спокойнее. Амосов даже открыл, что это вселяло в него какие-то ранее неизвестные силы, предоставляя возможности, о которых доселе он мог только догадываться.

Глава 5

Пыреев, Рудольф Константинович, молча сидел около окна своего загородного дома, и мечтал. Собственно мечтами это, наверное, и назвать было нельзя. Вернее, сам он не определил бы так предметность собственных мыслей. Хотя и пока терялся в точной классификации-определении, и в лучшем случае останавливался на чем-то неопределенном, что, и назвать-то точным словом было нельзя, и при этом иной раз забавно получалось, что Владимир Спичкер, товарищ Пыреева, 44-летний служащий компании, специализирующейся в металлургической отрасли, смотрел на Писарева иной раз столь скептически, что тот терялся, и на время становился самим собой.

Каким он был, если становился "самим собой" вообще-то лучше было бы не говорить. Сам

Пыреев не любил себя в подобных состояниях, такие состояния вызывали в нем справедливое негодование, и даже можно предположить - какой-никакой, но страх. Впрочем, со страхом Пыреев научился справляться достаточно быстро, и просто сублимировал страх (страх, в его представлении, как некое психическое состояние вследствие накопления отрицательной психической энергии) в нечто нужное для себя и позитивное для общества. Хотя и нужды общества как такового Пыреева мало беспокоили. В то время как Спичкер наоборот, стремился добиться в обществе определенного положения; а потому и делал все, чтобы достигнуть оно.

--Но в том-то и дело,--как порой усмеялся (исключительно в душе) Пыреев,--любые стремления Спичкера в подобном спектре приложения жизненных сил терпели неудачу. Потому что, как полагал Пыреев, Спичкер был недостоин в силу внутренней жизненной ориентации на достижение каких-то побед. Был он крайне неуверен в себе, да и вообще, относительно глуп,--как характеризовал его как-то Пыреев, представляя другому своему приятелю, Амосову.

Алексей Романович Амосов, впрочем, позволил себе с мнением Пыреева относительно Спичкера не согласиться. И в ответ выдвинул ряд собственных гипотез-предположений, которые, по его мнению, должны были помочь последнему лучше разобраться как в собственной жизни, так и в проекции этой жизни на окружающий мир.

--Черт бы побрал всех этих Спичкеров да Пыреевых,--с характерным критическим негативизмом сказал Илья Доброходов, сильный, властный, мужественный человек, работающий директором небольшой посреднической фирмы, занимающиеся тайной обналачкой ворованных у страны средств различного толка бизнесменами, да вороватыми предпринимателями.--Дай мне волю - поставил бы всех к стенке, да и...

--Сам-то ты чем занимаешься?!--хотел, было, ему сказать Амосов, да промолчал. Он всегда молчал в таких ситуациях. Правду, конечно, Амосов любил. Да вот говорить о ней в некоторых случаях не решался.--Это верно,-- вместо этого сказал он.--Дай тебе должные полномочия - уверен, навел бы порядок.

--А что, и навел бы,--с вызовом посмотрел на него Доброходов, но не заметив в лице Амосова подвоха, успокоился, и предложил Амосову выпить.

--Да нет, что ты,--запротестовал Амосов.-- Двенадцать дня, рано... Да и не пью я,--добавил он через время, видя что Доброходов уже достает из портфеля бутылку коньяка и пластиковые стаканчики (они встретились в парке).

--Не пьешь?--с сомнением посмотрел на него Доброходов.

--Не пью,--кивнул Амосов.

--Ну и черт с тобой,--подумал Илья Васильевич Доброходов, на самом деле запойный пьяница, и сложив стаканчики

обратно в портфель, открыл крышку бутылки, и стал пить из горлышка.

--Алкоголик,--подумал Амосов.

--Сука,--подумал Доброходов, подумав о том, что о нем подумал Амосов.

Но Амосов не переживал от того что догадался о чем подумал Доброходов. Амосов понимал, что Илья Васильевич, в общем-то, беззлобный человек. Правда мысли у того были своеобразные, и часто не умел он говорить в такт, но Алексей Романович давно привык делать скидку людям, допуская что мир не совершенен, и если так - глупо слишком откровенно противостоять ему.

При этом Алексей Романович в душе хотел изменить мир. Тайно, надо признаться, он делал периодические попытки добиться чего-то подобного; но в большинстве случаев наталкиваясь на глухую стену непонимания, прекращал попытки; чтобы, впрочем, через время повторить их вновь.

Но на этот раз он быстро успокоился, поспешив распрощаться с Доброходовым, и остаться наедине.

Это ему не удалось. У Ильи Васильевича была скверная привычка навязывать свое общество окружающим. При этом выбирал он из окружающих -- людей исключительно добрых, тактичных, и исключительно порядочных. Поэтому так просто отвязаться от него было непросто. И приходилось терпеть его, как и вот сейчас, например, приходилось Амосову, который уныло бредя по мостовой, краем глаза замечал плетущегося рядом с ним Доброходова.

--Что тебе надо от меня?--порывался спросить Амосов, но знал, что о подобном никогда не спросит.

Доброходов же в свою очередь, думал о том, что почему выходит так, что все вокруг такие сволочи. Не понимают его. И лишь иногда - создают только видимость подобного понимания.

Так они и шли, гонимые поднявшимся ветром и судьбой; причем последняя, конечно же, у каждого была своя; хотя и у двоих вместе -- являла собой судьбу поколения, вынужденного подстраиваться под мир 21 века.

Впрочем, сам мир не особенно изменился и в сравнении с прошлыми веками, если рассматривать его в контексте взаимоотношений между людьми. Потому как психика, как часто говорил сам Амосов, у человечества одна. Почти независимо от того, сколько это человечество просуществовало на земле.

Глава 6

Сергей Леонидович Муракин верил в простое человеческое счастье.

Счастье в его представлении становилось возможным, когда наблюдалось всеобщее понимание между людьми. Радость общения. Да и вообще, как полагал Сергей Леонидович (крепыш, невысокого роста, с ясными голубыми глазами и открытым взглядом человека, любящего мир), если бы парни всей земли...

--За руки взяться бы могли,--вставлял всегда Сыроедов, товарищ и вечный оппонент Муракина, пьяница и вор-несун, который, работая на заводе, сумел построить себе дачу на материале, который украл и продал.

--А ты ведь жулик,--не раз говорил ему Муракин. Но говорил как-то излишнее любя, словно бы одобряя действия Сыроедова на пути обворовывания общества.

--Не жулик, а вот и не жулик,--всегда протестовал Сыроедов, немного подпрыгивая на месте, но кроме этой фразы обычно больше ничего не выдвигал в защиту обоснования собственной жизненной позиции. Как считал Муракин, Сыроедов не только был вором-несуном, но и не мучался совестью, зная что об его воровстве догадываются другие. Его близкие, например (у Сыроедова была большая семья: неработающая и вечно больная жена и пятеро ребятишек), или товарищи. При этом, действительно ли все о нем все знали - Сыроедов предпочитал не задумываться; понимая, что если начнет думать об этом - может прекратить воровать. А это ему, признаться, не хотелось бы. И не то что он гордился своим побочным занятием (вахтер Сыроедов любил свою основную работу), но считал, что делает все правильно, потому как дает выносить что-то и другим, не сковывая людей в реализации собственных деструктивно-криминальных желаний.

Во время работы вахтером, помимо дачи, Сыроедов смог приобрести поддержанный автомобиль "Жигули" 5-й модели, дать

образование детям, которые учились в колледжах Санкт-Петербурга (города где и жил Сыроедов), и вообще, если разобраться, по мнению Андрея Станиславовича Сыроедова, его деятельность была, в общем-то, и не такой уж негативной, какой ее - как догадывался - спешил кто-то из его товарищей представить в своем воображении.

Однако на все это у Муракина было собственное мнение. Мнение человека, который был на самом деле не только очень честен в отношении окружающих, но и невероятно требователен к себе. Поэтому, когда речь шла о Сыроедове (как, впрочем, и о ком-то другом), Сергей Леонидович по возможности уходил от каких-либо собственных комментариев, и весьма скептически относился к комментариям других. Он вообще предпочитал по своему внутреннему укладу больше оставаться наедине с собой, предполагая, что при прочих равных условиях в получении информации, почти всегда может как верить информации, полученной от себя (от собственного мироощущения), так и вообще, в иных случаях полагаться практически всегда на собственное восприятие жизни. Да и жизнь эта виделась Муракину иной раз намного более привлекательнее, чем какие-либо суждения-оценки-мнения да комментарии других.

--Мне не нравится на самом деле твое отношение к жизни,--сказал как-то Муракину Филипп Осокин, высокий брюнет, аспирант кафедры физики Санкт-Петербургского государственного университета.

Осокин, несмотря на возраст (было ему 26 лет), относился к тем правдолюбцам, которые были во все времена, как и во все времена не находили должного понимания от общества. При этом Осокин старался не задумываться о причинах подобного непонимания. Причины он знал и так. А не думал о них,-- чтобы еще раз не прокручивать в своем сознании все то, что в конце концов способно было вызвать присущий Филиппу негативизм. Он вообще, если разобраться, скептически относился ко многому (а кто-то полагал -- и ко всему). При этом Осокин был, большей частью, "себе на уме"; чем являл необычайную схожесть с некоторыми товарищами, часть из которых уже представлена нами на страницах книги.

Муракин тоже был товарищем Осокина. Также как был Муракин товарищем, добрым приятелем, и просто знакомым достаточно большого количества людей, ко многим из которых относился с такой долей понимания, что те бессознательно оказывались благодарны ему. Бессознательно, потому что причина такой благодарности зачастую становилась скрыта от сознания (не осознавалась, другими словами). Но и при этом, если бы вдруг взяли какие-то сомнения, то, как считал Глеб Мурзыкин, психолог-психотерапевт-психоаналитик, можно было бы проанализировать подобное и понять намного больше о себе, чем кому-то до сих пор представлялось.

Вообще-то, Муракин был исключительно добрым человеком. Пусть он иногда и ошибался, как полагал тот же Мурзыкин, но

ошибка эта, по мнению Амосова, который всегда стремился быть в курсе всего, была не настолько существенной, чтобы уделять ей какое-то особое внимание. Да и еще и вопрос,-- замечал Амосов,--кто из нас не ошибается.

Амосов, Каротин, Писарев, Спичкер, Доброходов, Муракин, Сыроедов, Осокин и Мурзыкин - все были как бы члены одной команды-сообщества, провозглашавшего своей целью служение людям. Причем, на столь размытое целеположение никто из них, пожалуй, не обращал особого внимания, потому как каждый из этих людей верил во что-то свое. Каждый из девяти написал часть программы сообщества. Каждый по-своему вел свой раздел на интернет-портале сообщества. И вообще, все действия товарищей как минимум косвенно подтверждали то, что они не только были вместе, но и занимались поистине одним - общим - делом. Дело при этом весьма значимым (как минимум для них), и кто-то даже предполагал (Муракин, Амосов, Писарев) - делом всей жизни.

Глава 7

Выходило удивительно, но на Амосова вновь стали накатывать все эти загадочные состояния, при которых он поначалу порой удивительно терялся, пока не научился, наконец, трансформировать их в нечто позитивное, в то, из чего - при должном везении - возможно было даже извлечь пользу.

Когда Амосов почувствовал, что все повторяется вновь (до этого он думал, что от негатива в душе избавился окончательно) Алексей Романович заходил по комнате, сдерживая себя чтобы не пуститься в бег. Галопом.

Сдержал. Даже остановился, но, постояв несколько секунд - пошел вновь.

На время в его сознании что-то прояснилось. И что уж точно, все, происходящее с ним, уже не казалось ему таким трагичным. Прежде всего, как понял (и заставил себя понять, пока не привык, и теперь понимал) Амосов, любую ситуацию ему необходимо изучать с нескольких плоскостей восприятия. Например, помнить ту позицию, что всегда была в его душе, и которая позволяла с должной долей критики подходить к разрешению различных вопросов. Потом - задумываться о том, как бы на подобную ситуацию посмотрели окружающие. Прежде всего те, кого данная ситуация касалась. Потом уже другие окружающие (словно предусматривая, что тот, кого эта ситуация касалась, тоже мог на время заблуждаться).

Амосов на самом деле стремился избавиться от собственных, иной раз становившихся излишне отрицательными, взглядами на мир. Сам мир ему в этом случае представлял в каком-то излишне загадочном образе. Когда-то, того, что ему хотелось увидеть - Амосов не замечал. Но зато выпячивалось все то, от чего он некогда так настойчиво стремился избавиться. Избавится в то время, когда Алексей Романович еще был достаточно юн, чтобы перекраивать

собственную жизнь по своему усмотрению, и фактически подстраивал ее под лекала существующих, принятых в обществе отношений.

--Ты так сойдешь с ума,--посочувствовал как-то Амосову его приятель, Каротин.

Михаил Ефимович Каротин порой начинал очень искренне переживать за Амосова. А когда Амосов просил его не делать подобного - почти всегда обижался, и на время замыкался в себе. И тогда уже приходилось самому Амосову выводить Каротина из подобных состояний, которые, как полагал Амосов, могли вновь закончиться суицидальными попытками, с мыслью о которых, как помнил Амосов, Королев пока не спешил окончательно расстаться.

Как всегда в таких случаях, стремясь предотвратить возможный конфликт, Амосов переключал внимание Каротина на какой-то посторонний объект их возможного совместного внимания. Королев зачастую действительно переключался, и на время все становилось на свои места, а между товарищами наступало согласие-перемирие, и все было, вроде как, прекрасно.

Проходило еще какое-то время, и вновь подступали те проблемы, решение которых требовало необходимости чуть ли не сиюминутного разрешения. Но это было как бы после. Да и могло не наступить, а тоже вытеснится из души какими-то вновь пришедшими - и неожиданными - мыслями. Хотя и Амосов и Каротин понимали, что это все

не надолго, и тем более не навсегда. И когда-нибудь им вновь придется становиться участниками назревавшей конфронтации. Хотя и подобное уже становилось неважно на тот момент, потому что большинству людей (знал Амосов, и понимал Каротин) намного бессознательно удобнее решать вопросы прошлого, чем жить в своем настоящем; словно намерено не замечая, что такие проблемы все равно остаются, и со временем начинают мертвым грузом тянуть вниз.

Сейчас товарищи уже словно бы забыли обо всем, и сидели, покачиваясь в креслах (встретились в доме Амосова, жившего в пригороде Санкт-Петербурга), и мирно беседовали ни о чем.

У Амосова был дом в пригороде, квартира в пригороде, и еще две комнаты в коммуналке в городе. Но основное время Амосов проводил в загородном доме, выезжая в город только по мере надобности, да и то старался уехать до ночи, чтобы не оставаться в квартире с единой - коммунальной - кухней и общим туалетом.

Вообще-то до поры до времени Алексей Романович был непривередлив. Но со временем у него стали проявляться позывы заставить уважать себя. И видимо все это иной раз переходило в такую стадию, что лучше об этом не вспоминать.

А с Каротиным у Амосова разговора не получилось. Посидев-помолчав, товарищи неожиданно разошлись. Причем как будто и невозможно было сказать, кто являлся

инициатором разрыва. И при этом каждый чувствовал собственную вину. Которую и попытался загладить на следующий день, когда почти одновременно позвонив друг другу, приятели поспешили заверить себя и другого в преданности дружбы, и предложить встретиться в любое время, а когда соблюли такими образом протокол общения, уже смело забыли друг от друге на долгое время.

Вновь их свел вместе Глеб Мурзыкин. Мурзыкин тогда разрабатывал какой-то очередной проект по исследованию информационного пространства (он писал докторскую, и был погружен в науку), и для каких-то вопросов ему неожиданно понадобились Амосов и Каротин. При этом Каротин сослался на какую-то невесть откуда появившуюся занятость (где он работал никто толком не знал, а слухам предпочитали не верить), а Амосов охотно принял предложение Мурзыкина. Правда почти сразу как пришел, порывался уйти (что-то ему не понравилось в Мурзыкине), но Глебу Евгеньевичу все же удалось заинтересовать Амосова, и в последствии Алексей Романович даже оказался в чем-то благодарен Мурзыкину, что это произошло так; потому что он уже неделю как был сам не свой, путаясь в мыслях, и теряясь в догадках относительно собственного будущего. Причем и сам вроде как понимал, что особенных поводов для волнения не было. По крайней мере его нынешняя жизнь по особенному ничем не отличалась от той жизни,

которая была раньше, как - предполагал он - и от жизни, которая будет после.

Впрочем, в какие-то излишне серьезные размышления Амосов предпочитал не вдаваться, допуская, что ответа не найдет, а лишь чрезмерно запутает и так непонятную историю вопроса. Поэтому, чуть-чуть поразмышляв о жизни и своей роли в этой жизни, Амосов предпочитал ретироваться, на ходу меняя темы размышлений и таким образом запутывая то небольшое, до чего уже додумался, и что предполагало, видимо, довести мысли о первоначальном вопросе до своего логического завершения. И как раз эту вот логику Амосов последовательно и нарушил. Но в итоге оказался настолько спокоен, что впредь уже не терял нить размышлений; да и фактически мог вообще прекратить любые сомнения-размышления (любые размышления в его представлении вызывали сомнения и наоборот), если бы не природная страсть все время о чем-то думать, что-то сопоставлять, к чему-то стремиться, чтобы после признавать что это все не то, и возвращаться в начало.

Кстати, дело, которое предлагал тогда Мурзыкин, ничего конкретного, а тем более серьезного из себя не представляло. Поговорив друг с другом ни о чем, приятели расстались. Причем уже в этом случае все же Амосов винил исключительно себя. Потому что отчего-то ему казалось, что причина заключается как раз в нем; и это именно он нисколько не стремится к тому, чтобы довести что-то начатое до конца. Если бы знал Амосов, что его считают

престранной личностью и другие его приятели (Муракин, Сыроедов, Доброходов), то это быть может и сподвигло бы его на какие-то позитивные (и так необходимые ему) размышления, но о какой-то критике в свой адрес Амосов не знал. А возможно и не догадывался.

Глава 8

Илье Васильевичу Доброходову было, по сути, совершенно все равно до всех своих многочисленных знакомых, товарищей, друзей и приятелей. А также было все равно до возможных коллег и проч. А также было вообще все равно до кого бы то ни было.

Он был себе на уме, хотя внешне казался дружелюбным, внимательным, даже может быть заботливым да хозяйственным. Но это была маска.

Маску, или вымышленный образ, Илья Васильевич формировал в течение всей жизни (было ему 44 года). Сейчас подобная работа шла к завершению. Так, какие-то мазки оставались, да уточняющие детали.

Когда Амосов попытался подойти к анализу фигуры Доброходова (подобное Амосов проделывал с каждым из своих знакомых), то натолкнулся на удивительную характеристику непонимания тем сущности и предназначения жизни. Для себя же Амосов всегда разделял личное счастье от счастья общественного, выстраивая такие схемы взаимоотношения с

социумом, которые, вероятно, были ему не только абсолютно близки по духу, но и которые, в свою очередь, приносили определенные дивиденды.

Однако Амосов заблуждался, если действительно считал, что Доброходов подобные схемы с жизнью не выстраивает. Но и при этом следовало бы обратить внимание, что в таком ключе ошибался не только он, но и все, кто волей-неволей контактировал с Доброходовым. И все оттого так получалось, что Илья Васильевич не стремился открывать свою истинную сущность, и при этом делал все, чтобы все видели обратное. "Играл, получается, в разведчика",--сказал бы кто-то, если бы приблизился к пониманию души Доброходова.

Но никто не приблизился. А сам Доброходов умело вводил всех в заблуждение собственным поведением. Потому как мысли и внутренние желания его иной раз очень заметно отличались от действительной цели. А сама цель - заметно отличалась от цели декларируемой Ильей Васильевичем. И это была загадка, которую Амосов решил разрешить. Он всех почти различил. Например, знал, что Михаил Ефимович Каротин, по сути, занимается полнейшей ерундой в своих исследованиях психики, не имея к этим исследованиям никаких предрасположенностей; знал, что Рудольф Константинович Писарев на самом деле больше всего боится самого себя, потому как так и не сумел за свои 37 лет понять, что же он сам из себя представляет; знал, что Владимир Спичкер непомерно глуп, несмотря

на его желание казаться умным; знал Амосов и про то, что Илья Васильевич Доброходов на самом деле в душе намного лучше, честнее и добрее, чем считал сам о себе. Амосов также мог дать характеристику и остальным членам "шайки" -- как высказался как-то Сыроедов, который в минуты откровений всегда говорил обо всем так, как считал в душе. Амосов даже знал, что он сам легко способен запутаться в своем восприятии действительности, но тщательно скрывал это, разыгрывая из себя уверенного человека, который всегда знает что он хочет от жизни.

Но вот никак не мог понять Амосов душу Доброходова. Ибо явно догадывался, что нечто официальное, о чем ему становилось известно - лежит исключительно на поверхности. В то время как истинный смысл оставался тайной за семью печатями.

Часть 2

Глава 1

Он смотрел на мир широко открытыми глазами. Смотрел и видел то, что не замечают другие. И что уж точно, о чем они не говорят ему.

И потому он словно бы вынужден был видеть то нечто, что нравилось ему. Что, казалось, замечал только он. И отчего находил Амосов, что все как будто и должно было стать так. А если так не было, то лишь по той простой причине, что подобного как будто и вовсе не должно было быть.

Алексей Романович, конечно, несколько останавливался в собственных размышлениях о жизни. Точнее - стремился не допускать, чтобы они шли по этому направлению как-то слишком уж долго (инстинктивно и правильно определяя время допустимого). И если когда-нибудь становилось возможным подобное, то он, в принципе, оказывался готов принять это как перст судьбы. Но и при этом несколько сомневался, что нечто подобное выпадает ему заслуженно. Скорее нет,-- рассуждал он, исходя из предположения, что нечто подобное действительно бывает. Как минимум возможно. И если так, то он готов был изменить порядок действия. Только чтобы все было по-другому.

.....
.....

Иногда в душе его рождались фантазии. К фантазиям Амосов относился философски, считая, что как пришли те, так и уйдут. Но если пришли - стоит максимально возможно погрузиться в них. Дабы вкусить все то, что не мог получить он наяву. Ибо считал все эти фантазии никоими, пусть и важными, но приходящими; и что уж точно - почти совсем не существующими в действительности. И если это было действительно так, как он считал, то как раз он имеет полное право распоряжаться такими фантазиями по собственному, как говорится, разумению.

Амосов и распоряжался. Причем уже в распоряжении этом порой угадывалось то нечто отвлеченное, что наверняка, как он полагал, могло существовать. Но чего было на самом деле много меньше, нежели чем казалось.

И жил он в этом выдуманном мире, и можно было сказать, что мир этот нравился ему. По крайней мере, Амосов нисколько не находил, что должен что-то менять. А может уже менять и не мог. Это ему было не нужно. И для него не интересно. Да и вообще, Амосов уже давно понимал, что живет не совсем в едином измерении. А словно бы в нескольких проекциях, которые видит как бы со стороны, не погружаясь, впрочем, как-то серьезно и до конца ни в одну из них.

Но если даже предположить что это было так, он, тем не менее, все равно никогда не мог быть счастлив до конца, чтобы считать так. Просто хотя бы потому, что знал: пройдет время, и он изменит собственное восприятие действительности. И даже саму жизнь будет видеть по-другому. Иначе, можно сказать.

Но вот был поистине вопрос, так ли он действительно желал, чтобы это все было иначе? Ведь если рассудить, не мог он всерьез не задумываться над теми вопросами, в которые погружал себя сам. И при этом, уже словно и от этого погружения, стремился к выполнению каких-либо иных требований жизненных обстоятельств; так что уже действительно достаточно сложно было сказать к какого рода обстоятельствам он имел предназначение. Да и

выходило иной раз, что как будто уже и не имел. Или же имел?..

Он и сам пока терялся серьезным образом считать какие-либо собственные выводы обоснованными.

И при этом практически не сомневался, что находится исключительно на правильном пути.

И уже от этого пути-направления,--считало Амосов,-- следовало ему исходить в дальнейшем. Тогда как сейчас вполне было допустимо все оставить как было.

Глава 2

Он не знал почему, но ему нравились чужие женщины. И это бы вполне могло (при каких нежелательных обстоятельствах) сойти за патологию, но Иван Малкин не стремился афишировать собственные пристрастия. Тогда как кто-то считал, что он и сам не понимает как подобное становилось возможным; что опять же (считал этот "кто-то") могло свидетельствовать как в пользу Ивана Малкина, так и явно во вред. Хотя и согласился бы всякий, что пока что ни польза, ни вред не проступали в своем величественном значении. И потому вполне можно было допустить, что происходило все так, как это и должно было быть. За незначительным, быть может, исключением; хотя никто толком и не ведал -- в чем это исключение могло заключаться, а сам Малкин... А сам Малкин наслаждался жизнью. Он рано понял, что не должен поклоняться каким-либо внутренним страхам да волнениям.

Как не должен идти на поводу у кого-либо, и вообще, если разобраться, хотел Иван жить свободной жизнью, да и жил он ей. Пользуясь свободой от других, и не давая никому подчинить себя. И вот в этой свободе, можно сказать, наслаждался Малкин текущей ситуаций на все отмеренные ему природой сто лет. Это он посчитал, что проживет сто лет. Проснулся он как-то, да решил, значит, что этому и быть. Проживет он сто лет, и будет на протяжении всех лет находиться в добром здравии, крепком уме, и вообще, за сто лет Иван рассчитывал доделать все свои земные дела. А дел было много, даже быть может и очень много. И даже можно было сказать, что до сей поры Иван словно бы намеренно не признавался, что не успевает всех дел переделать, потому что набрал последних слишком много. Но себе Иван, подумав немного, в этом признаваться не стал. Да и в душе считал собственные выводы преждевременными, а то и неверными.

Но если это было бы так,-- рассуждал Иван,-- то выходило бы все равно в итоге, надо было или от части дел отбрыкиваться, или соглашаться с тем что действительно, все успеть невозможно.

Но Иван решил пойти другим путем. Сначала пошутил, потом повторил шутку, а после в шутку озвучил пришедшую мысль на людях, а еще через время, эта мысль уже и не была просто мыслью, а являла собой самую, что ни на есть, констатацию реальности. Согласно которой выходило, что проживет Иван Малкин

сто лет, и никто ему в этом не сможет помешать.

Последнее, конечно, было явно под вопросом. По крайней мере, Алексей Амосов, как только до него дошли слухи об ожидаемом столетии его доброго приятеля Ивана Малкина, тут же пришел к тому и спросил на прямоту, правда ли, мол, тот собирается жить так долго, и если правда - зачем ему столько.

Конечно, Амосов не так сказал Малкину. Но именно так он поделился своими мыслями с Сергеем Леонидовичем Муракиным. А тот уже (по доброте душевной) и выболтал все Малкину. Правда Малкин поначалу засомневался, что Амосов может, по словам Муракина, не верить в его столетие. Но Муракин, будучи человеком обстоятельным, передал разговор с Амосовым точь в точь. И хотя у него еще остались какие-то сомнения по поводу того, поверил ли ему Малкин на этот раз, в общем и целом Муракин мог быть спокоен. Правду другу (а он, в отличие от Амосова, считал Малкина другом) он донес. И тому пришлось уже самому делать выводы.

При этом самым любопытным было то, что если бы кто-то спросил Муракина (тот же Доброходов, например, мог спросить, или Писарев) зачем он так поступает, передавая разговор, с которым с ним поделились наедине, Муракин что уж точно, сразу бы и не понял. И видимо это не недостаток образования говорил в нем, а такая простейшая невнимательность к другим. Глеб Мурзыкин заметил бы еще что-то по своей психотерапевтической части. Но по

сути Муракин был не один такой. Да и жил он не в горах или пещерах, а среди людей, и общался с людьми. А значит, в какой-то мере можно предположить, что в психике его были заложены те модели поведения, которые и привели позже к ролевой модели поведения; то есть он сам выбрал для себя роль, которой решил соответствовать в жизни. А живя так -- мог бы признаться что ему это если и нравилось--не нравилось, то что уж точно, находило какой-то отклик в душе. Вследствие чего Муракин ничто не собирался менять.

Что касается Амосова, так Алексей Романович давно замечал в себе странность да загадочность. Но когда-то он уже решил использовать подобное в необходимом ему ключе. Фактически формируя собственный мир по собственному усмотрению. Да еще и при случае запутывая других; тех, которые вроде как и общались с ним, да вследствие действий Амосова понять его не могли. Можно даже сказать - терялись в догадках, если так-то уж раздумывали о нем, а что еще вернее - жили тоже каждый своей жизнью, но если бы их спросили об Амосове - затруднились бы сразу сказать что к чему. И, опять же, не от какого-то собственного непонимания, или действительно какой запутанности, инициированной самим Амосовым, а скорее просто от общего затруднения в таком сложном вопросе как психика другого человека. Тем более если этот человек не очень-то и хочет чтобы что-нибудь узнали о нем еще помимо того, что он сам о себе считал необходимым рассказать.

Глава 3

Алексей чувствовал, что в его жизни начинается любопытный период. У него и раньше, конечно, бывали подобные периоды. Он их обычно не ждал, но угадывал по началу наступления. А тут как бы и ждал и не ждал. Он не мог сейчас сказать точно, но склонялся к мысли, что все же не ждал. Или ждал?

Раньше все происходило неким спонтанным, или сродни спонтанному, образом. Он жил, делал какие-то дела, реализовывал какие-то желания, быть может даже, замахивался на реализацию фантазий. Но при это он подспудно угадывал, что все это было не то. А если знать, что в итоге ничего серьезного да знаменательного не происходило, то можно было согласиться что и действительно, все было излишне обычным, и даже может быть неинтересным.

Но Амосов так не считал. Алексей Романович приучил себя считать чуть ли не каждое событие в его жизни чем-то если не знаменательным, то уж точно - являющимся неким ключиком к дальнейшему пониманию жизни. Пониманию бытия,-- как мог бы он сказать,-- да не говорил, потому что старался не произносить громких фраз. Даже про себя. И если раньше грешил подобным, то довольно быстро от подобного поведения отказался. А последние годы и вовсе был типичным реалистом. Или (как бы он сказал сейчас про себя) - фантазийным реалистом. То есть

фантазии по-прежнему заполняли его сознание, но походили они уже не совсем на фантазии, а скорее на нечто такое, чему он не мог пока найти точного определения. Хотя и допускал что это только пока. Пройдет еще какое-то время, и он поймет (так говорил он себе, и сейчас убедился что так и произошло), что каждое событие в жизни - есть ступенька на лестнице судьбы. И возможно - на его пути наверх.

Впрочем, Алексей все реже даже мысленно выражал собственное желание пути наверх, предполагая, что подобное желание изначально есть у большинства, но в течение жизни такое же большинство интуитивно (а кто и осознано) отказывается от этого движения. Предпочитая плыть по волнам судьбы, и изредка убеждая себя в оправданности подобного движения.

Но это было не так. Амосов никогда бы не согласился с собой, если бы предположил, что он вынужден прожить остаток жизни в подобном - вечном - движении. Движению без осмысленной необходимости, и даже без желания искать альтернативу. Нет, он был не из таких. Он и ошибки многие совершал в жизни быть может только из-за того, что предпочитал добиваться победы любой ценой. Победы даже там, где было бы уместней поражение. Или избегание боя. Это уже в зависимости как к этому подойти. Вопрос -- что не задумывался он до последнего времени о том: должен был подходить или не должен? Алексей всегда считал что должен. Сейчас получалось - ошибался.

Но даже и эта ошибка не выказывала в нем всплеска каких-то дополнительных эмоций. Он просто запрещал себе так реагировать на обстоятельства. Ведь подобное, по его мнению, приводило бы к излишней трате внутренней, психической, энергии. А если это было действительно так, то он понимал, что должен был как минимум много раз подумать, прежде чем принимать решение. Ибо любое решение, как знал, способно было сыграть роль в его жизни.

.....
.....

В последнее время ему как-то не особенно хотелось предполагать что иное, опровергая устоявшееся собственное мнение по тому или иному вопросу. Он понимал что-то свое, но и при этом не надеялся, что ему удастся до конца если не понять (он уже вроде как понимал), то научиться так противодействовать окружающему миру (людям, населяющим мир), что сможет быть подстрахован от каких-то возможных неурядиц, да и просто начнет жить более спокойнее, чем жил до селе.

-- Но если разобраться,--подумал Амосов,-- разве он не жил так и раньше? И тогда проблема его заключается в том, что он, начиная собственное раздвоение ("игру в разведчиков",-- как он это называл), постепенно забывал придумываемые им самим мельчайшие детали, из которых собственно и складывались

характеры вводимых им в "представление" героев.

Притом что со временем уже введенные роли множились, расслаиваясь как минимум на несколько, а потому вдруг оказывалось, что ему, вроде как, и совсем ничего не оставалось, кроме как окончательно запутаться. А то, что он не путался окончательно, была видимо какая-то заслуга свыше; благодаря чему судьба до сих пор еще удерживала его от каких-то принципиальных ошибок.

Впрочем, Амосов старался об этом особо не распространяться.

Но и жить прежней жизнью ему тоже наскучило.

Разве что выход пока не просматривался. Ну в смысле такой выход, чтобы тот был один. Потому как всегда перед Амосовым появлялось как минимум несколько различных вариантов, которые он тут же принимался прорабатывать. Понимая что со временем,-- или какой-то один из этих путей выведет наверх, или же перед тем как они все заведут в тупик, он все же успеет найти тот путь, который и будет единственным.

.....

Если проследить путь мысли Амосова (он иногда проделывал это нелегкое дело), можно было бы предположить, что он прятался от жизни, скрывался от нее, а после, когда подобное почти удавалось - делал все, чтобы оказаться на виду. И ведь что могло бы показаться характерным и удивительным -

осуществлял Амосов подобное вполне искренне. И можно даже предположить, сознательно. Хотя и при ближайшем анализе становилось понятно, что все это как минимум выходило у него бессознательно. Ему даже становилось иной раз стыдно, или лучше сказать, что он запутывался в градации характеристики подобного. Но и теряясь в понимании сего факта, тем не менее продолжал тихой сапой делать свое дело. Осуществлять миссию. Характер миссии, впрочем, иной раз или не угадывался, или расплывался до неузнаваемости нахождения первоначального пути. И тогда Амосов возвращался назад. Чтобы - начать сначала.

.....

Он допускал многое, особенно если это касалось кого-то, но казалось, совсем не обращал внимания на себя. Но и мог ли он в минуты того горя, которое прочитывал в лицах окружающих, думать о себе? Не мог. Иначе вскоре возненавидел бы себя.

Глава 4

Все чаще Алексей понимал, что топчется, по сути, вокруг да около, и так не приступает к основному делу. Делу жизни, сказал бы он, да на самом деле не любил громких фраз и надуманных обещаний. Поэтому и бессознательно стремился все больше остаться наедине с собой. В этом быть может проявлялась его интровертированность

характера, но он предпочитал не думать о том, о чем думать не хотел. Также как - предпочитал не думать лишнего, потому как предполагал, что тем самым засоряет сознание, а значит, занимает место для более нужных и полезных мыслей, которые верил, могут еще придти.

А на самом деле, как понимал, или что еще вернее - допускал Амосов, ему ведь так и не необходимы были все те люди, с которыми он с такой легкостью заводил знакомства и после также легко расставался. Можно даже было сказать, что он в какой-то мере использовал этих людей. Использовал, впрочем, без какой-то выгоды для себя, если не считать выгодой стремление упорядочить собственные мысли в направлении, известном только ему одному. В направлении стремления к разгадыванию которого на самом деле преисполняло его действия. Те самые действия, посредством которых он все ближе, казалось, подбирался к чему-то. Но это что-то - все время норовило ускользнуть от него. Так что потребовалось действительно много лет жизни, чтобы не только научиться пребывать в том состоянии, когда разгадывание этих мыслей становилось возможным, но и что наверняка - произошла наработка той методологической базы, посредством которой он, собственно, и мог теперь не только искать то, что искал, но и - что Амосов считал несомненно более важным - выработать алгоритм действий, способных, в итоге, привести к разгадыванию. Тому, к чему он, собственно, с таким трудом стремился. К тому, от чего он получал доселе

психологическое удовлетворение. Потому как искренне верил, что это все будет так. Именно так, как он того желает. Именно так, чего он, собственно, таким трудом добивался все то время, которое, если разобраться, можно было охарактеризовать как пребывание в полузабытьи. Ну, или около того.

.....
.....

Он понимал, что ему, по сути, трудно не выстраивать анализ самого себя.

Да, он всяческим образом стремился к реализации как собственного жизненного потенциала, так и некой проекции внутреннего мира - к миру внешнему. Но и при этом, если разобраться, Амосов не находил, что ему станет так-то уж легко, как только он разрешит все свои подобного рода противоречия. И даже если разобраться, не находил он, что нечто подобное станет возможным в ближайшее время.

И при этом сейчас-то как раз Амосов понял, что, быть может, именно во всем этом скрывалась некая тайна, которая удерживала его на расстоянии все это время. Тайна, которая если и была (а он верил что она была), то, что уж точно, не могла должным образом приблизить его к пониманию всего того, что мучило его. Того, от чего он начинал считать себя, порой, чуть ли не подонком, и что уж точно - негодяем. И вот в этом провоцировании

чувства вины, как понимал Амосов, и был он весь. Ибо что такое вина, как не результата излишне критического анализа по отношению к себе. И что это за вина, которая не несет в себе последствий, в виде обозначенных Амосовым выше. Вина, за которую не только не бывает стыдно, но и сама она приводит к таким страданиям, от которых он не то что не знал как избавиться, а скорее всего - и не хотел избавляться.

.....
.....

Рассматривая вопрос собственного отношения к жизни, Алексей Романович находил, что порой терялся в простейших истинах; запутываясь в которых почти совсем не знал к чему они способны привести в последствии. Как и не догадывался в ложном характере большинства из них. В том, что если и было верным, то считалось таковым лишь когда-то. А на деле - никогда и не отвечало истинным требованиям разрешения противоречий. И что уж точно, не способно было привести к таковому.

Глава 5

Он стремился заглушить свои мысли. Он знал, что при любом подходе, именно в нем самом скрывалась основная беда. Беда, причина которой была в том, что он мучил себя, и не

видел себя. Беда, которая подходила незаметно, но которая непременно точно, что была. И беда, от которой не так-то просто было избавиться еще и потому, что основная причина скрывалась в самом Амосове. В его отношении к жизни. В его психике, которая не позволяла увидеть ему порой то небольшое, что видели остальные. И что, попросту, уводило его каждый раз в сторону, как только он приближался к какому-либо пониманию действительности. Пониманию того, что было, что должно было быть, что вообще когда-либо быть могло, и что непременно способно было бы изменить его существование, если бы подошло время.

Время такое не подходило. Амосов теперь сам понял (понял на самом деле давно), что тогда, когда он пытался доискаться правды (чтобы заглушить боль внутренних страданий), он не способен был сделать подобного просто потому, что бессознательным образом все время оттягивал тот миг полного единства, который был необходим ему как раз для того, чтобы видеть то многое, что не различалось в деталях, и то малое, что каким-то невообразимым образом оказывалось заметным лишь в целом.

И это действительно оказывалось весьма удивительным для Амосова. Потому что даже если предположить, что истинную причину он теперь действительно нашел, все равно нечто подобное не способно оказывалось привести его к той необходимости, которая диктовало собой все и вся. И которая находила самым незадачливым образом прочие порождения

размышления о главном. О том, что было, и чего на самом деле не было. Не существовало. Он ошибался, выискивая мотив подобного существования. И по большому счету, Амосов отчего-то стал теперь уверен, что действительно находится на пути к истине. К той истине, которая пребывала всегда рядом с ним. И которую он попросту не замечал.

.....
.....

Друзья не хотели с ним общаться. Друзья были ему совсем не друзья. Амосов не верил им, вернее, перестал верить сейчас, и удивлялся, как верил раньше. У него не было друзей. Все эти многочисленные приятели, которые встречались с ним и ему на его пути, в итоге оказались не интересными даже себе. Так стал думать о них Алексей. Так ему стало легче, когда он думал именно так. И не потому, что на самом деле он всегда считал иначе, а тут вдруг получается разом изменил свое мнение. Нет. Думать так сейчас вынуждала его необходимость. Он и раньше подозревал что-то подобное, да не уделял этому какого-то излишне пристального внимания. А тут вдруг понял, что так и должно было когда-то произойти. Что раньше он просто сам себя ограждал от предательства, наивно полагая, что предательства не произойдет только потому, что он не будет об этом думать. И живя в таком самонаивном обмане, он все больше находил

противоречий, но боялся окончательно признаться себе что это так, а потому и не менялось ничего у него, и жил он как жил, и думал как думал, вернее, думал - да всерьез не задумывался. Вот ведь как. Бывает, скажете вы. Бывает, говорит он себе сам, и все же никак не укладывается в его голове, что теперь остался он на самом деле один. Но ведь ему так необходима была всегда эта свобода. Он мечтал о ней тогда, когда ее не намечалось совсем. Продолжал мечтать, когда контуры такой свободы уже начинались неуверенно просматриваться. Мечтал, когда как вроде бы и совсем не надо было мечтать. А он мечтал, мечтал, мечтал и... домечтался. Как же он корил себя сейчас. Он негодовал на себя за то, что сделал все с точностью наоборот как подсказывала ему природа, интуиция, его жизненный опыт наконец. Но сделав так, Алексей вдруг понял, что ничего страшного и не произошло. А как будто и наоборот, получил он вдруг избавление от того, что раньше так угнетало его. От чего раньше он хотел, и все время безрезультатно собирался скрыться. Сейчас все наступило так, как он желал того когда-то, а потом, свыкнувшись с невозможностью осуществления оно, забыл о своей мечте. И вот теперь она пришла. Алексей Романович остался один. Вокруг него, конечно, продолжали быть люди, но он теперь получил возможность никого из этих людей не приближать к себе. Причем ему даже не приходилось держать их на расстоянии, все получалось как бы само собой. И все оставались

довольными. Вернее, доволен был Амосов. А о других он вдруг чудодейственным образом перестал думать. И теперь они если и существовали, то оставались где-то далеко позади, оставались в его прошлом. Том прошлом, в которое он уже и не стремился возвратиться. Зачем?-- говорил он себе, и тут же соглашаясь с собой, уже не переспрашивал себя почему так это так. Он был доволен, что это так. И пока ему ничего не нужно было другого.

Глава 6

Как будто рассчитавшись таким образом со всем, что его связывало с прошлым, Алексей Романович решил начать если не новую жизнь, то точно что продолжать старую с учетом прожитых ошибок. Ему не хотелось признаваться, что такие ошибки совершил он. Скорее создавалось представление о них в его воображении как о нечтом, что если и было, то было. Тогда как сам он не намерен был...

Амосов задумался. Начав писать, пробуя начать писать что-то о своей жизни, он находил, что это не может уже настолько показаться интересным кому-то более, чем ему. И при этом Алексей допускал, что это лишь его субъективный взгляд на жизненные обстоятельства, участником которых он становился. А зная, точнее, допуская, что это может в итоге оказаться и не совсем так, он произвольно тянулся к перу, и писал, писал, писал.

Он писал, словно собираясь вынести на бумагу сомнения, навеянные временем. Ведь именно время становилось виновником возможности таких записей. Раньше, когда Амосов был еще молод, он если и порывался о чем-то писать, то темы его сочинительства не выходили за рамки размышлений о жизни, о той жизни, которую он большей частью не проживал, а выдумывал. Теперь же, когда его возраст прошел отметки четырех десятилетий и уверенно подходил к окончанию пятого, Алексей Романович как нельзя лучше увидел все что было, что происходило когда-то, с ним. И смотрел на это все другими глазами. Глазами человека, который жил с ощущением, что делал все не совсем так, как понимал сейчас, что можно было сделать. Конечно он знал, что такое ощущение было не только у него, но и вообще оказывалось свойственно многим людям, а тем более писателям. Может даже и писать начинают как раз из-за сего неприглядного факта. Из желания хотя бы в книгах прожить другой жизнью. Жизнь, которую они не смогли, не успели, может быть даже им не дали прожить. И от осознания этого всего Амосову становилось как-то не по себе. Он не любил заниматься тем, чем кто-то уже занимался до него. И потому придумал для себя, что буквы,-- это лишь некие кодовые знаки. Слова - следствие закодированности букв. Предложения... Предложения и сам текст, который рождался, это был в представлении Алексея некий шифр, который каждому человеку удавалось разгадать по своему. И при

этом читатели, возможные читатели являлись обладателями или похожих шифров, или совсем отличных. В первом случае читателям удавалось разгадать мысли автора, во втором, они или откладывали книги, признавая про себя, что ее шифр не понят ими, или же на миг заинтересовывались; и этого мига обычно хватало, чтобы через какое-то время шифр автора становился разгадан или полуразгадан; а значит закодированные мысли его - становились подвластны для разгадки.

Амосов понимал, что все это может и не совсем так, что может быть это лишь его видение ситуации, тогда как все на самом деле выглядит иначе, и как обычно в жизни - намного проще. Но он никогда не стремился к простоте. Он не стремился к тому, чтобы понимали его совсем уж на сто процентов. Хотя и бессознательно недоумевал, когда не понимали.

И жизнь его состояла из таких и других, из многих, противоречий. И все что делал или понимал он,-- простиралось в русле видения его самого относительно окружающего мира. Мира, который по-прежнему оставался загадочен для Амосова. А сам Алексей Романович как будто и не стремился понять его окончательно, потому что понимал, что это попросту невозможно.

Глава 7

Алексей подумал, что если бы он знал раньше чем все завершится сейчас, то видимо все равно поступил был также.

От подобной мысли ему стало не по себе. Ведь еще недавно Амосов объяснял себе многое именно с позиции своего оправдания происходящего, находя собственную правоту во всем, и понимая, что попросту не может быть иначе. Тогда как теперь он видел, что все это не совсем так. Что он сам себя загонял в какое-то духовно-информационное болото, ограничивая, а то и фактически исключая общение с внешним миром. А на самом деле как бы уже оказывалось, что этого делать не стоило; что подобного можно было избежать; что все, что происходило с ним, все, участником чего он становился, на самом деле не способно было выдать ему сразу тот алгоритм его действий, который поначалу был им ошибочно применен, а после он уже не раз (Алексей подумал сейчас, что и правду "не раз") был на грани признания ошибочности его. И ведь как выходило,--сказал он себе (оглядевшись предварительно по сторонам, чтобы никто не заметил, и не посчитал его сумасшедшим), а ведь как было бы замечательно, если бы взять да повернуть все обратно...

--Назад, получается?--уточнил голос.

--Назад,--на автомате ответил Амосов, и собрался уже было озираться в поисках кого-то, да отчего-то догадался, что это ему послушался внутренний голос. Голос, который уже не раз ранее предостерегал его от чего-то ненужного ему; голос, с которым Амосов вел споры; голос, которого если бы не существовало,-- его пришлось бы выдумать.

Алексею Романовичу стало легко. Он словно бы признался в какой-то тайне, долгие годы тяготившей его, и после такого признания стало ему действительно легко. Душа его если не пела (за долгие годы запрещения подобных психических реакций, душа, казалось, смирилась), то точно, что именно сейчас захотела этого. И Амосов вдруг почувствовал это как никогда. А почувствовав, поддался порыву, и...запел.

Раньше он никогда не пел. Считая отсутствие у себя голоса, Амосов как-то быстро смирился с невозможностью сего факта, понимая...

Да ничего он не хотел понимать. Он просто единожды запретил себе проявлять таким образом чувства. Оправдываясь нежеланием выставляться на посмешище. И при этом...

Что он на самом деле считал при этом, Амосов пока не знал. Да и мысли, порой, приходили к нему столь же странные, насколько и противоречивые. И со временем он попросту запретил себе думать о чем-то болезненном для сознания. Допуская, что так будет попросту легче.

--Легче кому?--предательски ехидно спросил голос.

-- Легче мне,--уверенно произнес Амосов, уже не удивляясь ничему, и видимо внутреннее намереваясь вести диалог до конца, до победы.

--В этом вечном бою нет победителя,--заметил внутренний голос.

Амосов вновь не удивился. Что-то, что составляло содержание его психики, накалилось сейчас до предела. Он, Алексей Романович

Амосов, вдруг оказался не только в полной готовности отразить любой удар, но и начинал понимать, что противостояние с собой ему никогда не только не избежать, но и не выиграть. Он мог противиться, мог закатывать скандалы, мог даже бить себя и придумывать кары души, но сути это не меняло, а к достижению победы не приближало.

И тогда оставалось ему или действительно смириться с происходящим, или же...

Или же попытаться перевернуть внутренние установки, фактически переиначив себя.

Хотя как оно должно было выйти на самом деле Амосов предпочитал не задумываться. Он уже знал, что ему предстоит долгий и трудный бой. Бой, по освобождению. Освобождению в какой-то мере от самого себя.

И это свобода от себя виделась Алексею Амосову самым желанным, что только могло произойти; что наверняка должно было произойти; и до чего еще ему предстояло дойти.

.....

На пути собственного понимания и обретения свободы, Алексей Романович допускал, что его ожидают разные трудности, а потому весьма настороженно относился к чему-то возникающему у него на пути. Да, он предполагал, конечно, что в реальности мог и вообще ошибаться, не усмотрев чего-то третьего из предлагаемых жизнью альтернатив. Но и при этом ему, если по совести, не так-то и хотелось, чтобы было что-то третье. Он как бы

нашел себя. Нашел себя в том, что мог существовать как минимум в двух плоскостях бытия, являя себя одним в обществе, на людях, и совершенно другим, когда он оставался наедине с собой. Там, наедине с собой, Амосов был всегда более честнее и откровеннее. И при этом он как-то подумал, что, по сути, и на людях ведь он был честный и откровенный. И тогда может надо было допускать наличие двух правд. Тем более об этом ему сказал и Михаил Каротин, с которым совершенно неожиданно Амосов восстановил отношения. Причем вышло все как бы и действительно неожиданно и само собой. Королев пришел к нему сам, принес с собой какие-то рукописи, сказал, что это его будущая книга, и ему было бы очень необходимо (подчеркнул Королев при этом, выразительно посмотрев на Амосова), чтобы Алексей Романович сделал о будущей книге свой вывод.

--Рукописи,--автоматически поправил его Амосов.

--Книге,--уточнил Каротин.

--Ну да, когда выйдет, станет книгой,--все также бессознательно повторил Амосов, занятый просматриванием рукописи (его обычный метод перед чтением).

--Мне бы хотелось, чтобы вы рукопись не только прочитали, но и продолжили,--неожиданно сказал Каротин.

Амосов посмотрел на Михаила Ефимовича несколько заинтересовано, словно пытаясь по мимике того определить какой смысл он закладывал в эти слова.

Каротин в ответ изобразил смущение ("именно изобразил",--отметил Амосов), проигнорировал заданные Амосовым ряд уточняющих вопросов, и собравшись уходить, встал с лавочки в парке, где бывшие товарищи случайно встретились.

--А как ты меня нашел?--посмотрел на него Амосов, словно бы говоря своим переходом на "ты" о добрых чувствах к Каротину.

--Мы встретились случайно,--засмутился Каротин, опустив глаза.

--Ну, случайно так случайно,--улыбнулся Алексей Романович, и пожав руку, отпустил товарища.

Как только Каротин ушел, Амосов принялся читать. Текст рукописи с первых же слов показался ему слишком загадочным, чтобы тот час же оторваться от него, поэтому Алексей смог оторваться только когда на улице явно стемнело, и он уже с трудом различал буквы.

--Надо же, вечер,--промелькнуло у него в голове.--А ведь мы встречались когда часы только пробили полдень.

Часы - это часы на башне в центре города. Мимо башни с часами как раз и проходил Амосов, когда его окликнул вышедший из метро Каротин. Хотя Алексей был неуверен: действительно ли они случайно встретились. Ему все же казалось, что Каротин специально поджидал его, каким-то образом узнав что...

--Стоп,--сказал себе Амосов. Он только сейчас понял, что никто не мог знать в какое время он

будет на Невском проспекте, да и будет ли.
Тогда как...

Но продолжать цепь размышлений дальше, выдвигая какие-нибудь новые версии ему расхотелось, и он уже готов был заключить, что они действительно встретились случайно, как кто-то тронул Амосова за рукав, а когда он недоуменно повернулся, ему ударили кулаком в лицо, и он потерял сознание.

.....
.....

Когда Амосов очнулся, никого рядом не было. Алексей тут же поискал глазами рукопись, которую мог уронить при падении, и действительно увидел рукопись, которая сцепленными листочками, аккуратно сложенными в папку, лежала рядом.

Амосов быстро поднял рукопись, сунул ее под мышку, и поспешил к метро, мельком взглянув на наручные часы чтобы убедиться что он еще успеет на последний поезд, как заметил, что часы с его руки пропали.

Почему-то Амосов раскрыл папку. Рукопись была на месте. Алексей потянулся к карману, и убедился что портмоне на месте.

--Цель ограбления часы?--спросил он себя, но все же поспешил к метро, предполагая что судя по времени, скоро полночь, и метро будет закрыто.

Был последний месяц лета. В августе белые ночи в Санкт-Петербурге уже заметно идут на

спад, но до 11 вечера или даже чуть позже еще бывает более-менее светло.

На метро Амосов успел. Но когда в вагоне поезда он открыл папку, рукописи там не оказалось.

--Черт те что,--медленно произнес Алексей. Сейчас он готов был винить кого угодно, но то, что рукопись еще недавно была в папке - он не сомневался. Точнее, не сомневался бы, если бы ему не ударили в лицо и не ограбили. Теперь Амосов стал осторожнее в оценках себя и действительности.

Алексей инстинктивно посмотрел на левое запястье, где раньше были часы. Часы были и сейчас на месте.

--А вот это уже и действительно свинство,-- проговорил Амосов, не понимая что ему надо понимать, а что лучше не понимать вообще. Ему показалось, что он или сходит или сошел с ума. Но даже это было ничто в сравнении с тем, что исчезла рукопись. И тут же Амосов вспомнил слова Королева, который сказал, что рукопись он писал несколько лет, и она в единственном экземпляре. Тогда, когда Михаил Ефимович произносил эти слова Амосов как будто и не обратил на них внимания. Но вот сейчас смысл слов прорезал его мозг, и Алексею Романовичу вдруг не захотелось жить.

Вскоре он взял себя в руки, и как будто даже успокоился. И даже понимая, что ситуации, по сути, это не меняет (рукопись ведь действительно пропала), Алексей Романович смог вовремя взять себя в руки чтобы не

проехать свою станцию, вышел из метро, и медленно пошел в направлении к дому.

На миг Амосов пожалел что спиртным в Петербурге не разрешали торговать по ночам. Ему вдруг захотелось напиться. Проклиная очередную глупость не очень умных людей находящихся у власти, Алексей Романович решил набрать побольше пива (пиво продавали свободно), и все равно напиться. При этом, в отличие от водки, пиво можно было пить без закуски или с совсем символической, поэтому Алексей Амосов, взял в первом попавшемся магазине сразу десять бутылок пива и поспешил к дому, где почти с порога начал пить.

.....

Он не заметил и сам, как подошли эти мучительные вопросы о жизни. Можно сказать, к таким вопросам Алексей привык. Тем более что задавал он их себе сам, и когда-то находил их даже полезными.

Со временем ощущение полезности сменилось привычкой. Он по привычке начинал мучить себя, и заканчивал, когда оставалось совсем немного, чтобы он стал бы себя слишком ненавидеть, чтобы продолжать жить. Но Алексей всегда умел останавливаться. Притом что вскоре ситуация изменилась. И он понял, что легко может сводить на нет трудности подобных вопросов, превращая те во что-то как вроде бы и совсем непонятное да необъяснимое. Так, что результат таких

вопросов для него становился неважен. И это открыло перспективу еще большего общения.

Общаться Алексею с тех пор стало значительно легче. Вопрос только, что он немного не верил в такую уж необходимость подобных вопросов. Поэтому совсем скоро Алексей начал писать.

Он и раньше что-то писал. Да все принимало какой-то незаконченный вид, несмотря на все усилия его. И хотя писать он продолжал, но как-то уже не относился к этому серьезно. А тут как прорвало. Он писал, и если еще не до конца относился всерьез к наличию у себя каких-то способностей, то, что точно, открыл, что после того как он что-то напишет - ему становится легче. Порой и значительно легче.

--Творчество ты рассматриваешь как психотерапию,--кивнул головой Пыреев.

Рудольфа Константиновича Пыреева Амосов хоть и уважал, но всерьез не признавал. Допускал он, конечно, что это могло показаться странным, но подобная точка зрения как бы сложилась сама собой, и даже серьезно не размышляя, Амосов бессознательно отстаивал ее всегда в том случае, если разгорался спор между им и... им. Внутренний голов Алексея слишком часто в последнее время стал заявлять о себе. Поначалу Алексея это настораживало, но вскоре он убедился, что если ничего серьезного не происходит, то вроде как и волноваться особенно ему незачем. И он вскоре принял жизнь такой, какая она была. Без излишков, и со всеми теми вводными, которые ему периодически подбрасывала судьба. При

этом сам Амосов в душе соглашался с собой, что так дальше нельзя, но наступал новый день - и все продолжалось как прежде. А он... А он отчего-то начинал считать и вовсе свои размышления не такими нужными да значимыми для него, чтобы уделять им слишком принципиальное внимание. Я такой как все,-- не раз говорил он себе, и при этом трудно было сказать: верил ли он в свои слова в действительности?

--И это хорошо,--утвердительно произнес Пыреев.

--Что? - не понял Амосов.--Что хорошо.

--Ну то, что ты в творчестве стал находить альтернативу безумию,--сказал Пыреев, посмотрев на Амосова так, что будто бы он говорил столь прописные истины, что их совсем не надо было опротестовывать.

--Мне бы не хотелось, чтобы ты так считал,-- Амосов попытался сгладить улыбкой намечавшуюся конфронтацию двух нашедшихся товарищей. Хотя если сделать отступление и признаться, практически никто из товарищей Амосова не считал, что контакт с Амосовым прерван. Каждый при этом списывал все на собственную занятость. Так что, как понял Алексей Романович, по особенному страшного как будто ничего и нет. Вот разве что если представить, что он ошибается....

Но с недавних пор так представлять Амосов не собирался. Он вообще пока не знал чему и какие отдать приоритеты, но ему казалось что он действует если и не совсем правильно, но

интуитивно нащупывает верный путь. И если так, то он мог ничего не опасаться.

--Другой вопрос если это не так,-- снова услышал Амосов голос Пыреева.

--Ну почему же не так, дружище,--уже взял себя в руки Амосов.--Если я что-то делаю не так сейчас - мало кто способен об этом судить таким образом, чтобы я не усмотрел у этого человека субъективизма. А то и элементарной проекции себя на меня. Своих каких-то страхов да сомнений - на меня, на мою психику. Да, он мог видеть во мне себя, но вот одно дело, когда он сам - хороший, а если дурак, или еще хуже, если такой, что его тут же ненавидят. Что тогда?

--Я не знаю,--пожал плечами Пыреев, словно свой внутренний монолог Алексей высказывал вслух, и Рудольф Константинович его услышал.

Он ничего не ответил на реплику Пыреева, лишь по дружески сначала похлопал его по плечу, а после коротко ударил в челюсть ударом сбоку. Пыреев свалился то ли от удара, то ли от неожиданности (а скорее от того и от другого).

Посмотрев на бесчувственное тело, Амосов потянулся в карман, вытащил пачку сигарет, повертел их какое-то время, словно раздумывая, в руках, достал одну, закурил.

В последнее время все чаще мысли о реальности начинали заполнять его душу. Можно признаться, что всю жизнь он вел борьбу с такими мыслями. Миг внешний -- всегда казался Алексею слишком грубым, чтобы он мог делать на него ставку. Слишком

грубым и не нужным, повторил бы он. Все, что было вокруг, как бы не то что не радовало Алексея, а скорее он существовал в необходимости подстраиваться под этот мир. И вот эта необходимость удручала его. Порой удручала настолько, что он решил разом отказаться и от нее, и от своих мыслей о существовании действительности какой-то иной, хорошей, получается.

Это была ошибка, как понял сейчас Амосов. Хорошей действительности не существовало, или если она и была, то не про нас, как говорится, произнес он, и улыбнулся от своих мыслей. Мог ли кто подумать, что у выглядевшего всегда оптимистом человека в душе столько сомнений. А что если о его сомнениях известно другим,--подумал Амосов,- -а они просто не показывают вида.

Амосов посмотрел вниз, где лежал Пыреев. По всему, тот начал приходить в себя. Он пошевелился. А потом как будто и окончательно очнувшись, сделал попытку приподняться.

Получилось. Пыреев повертел головой, чуть приподнявшись, словно бы заново свыкаясь с окружающей действительностью. Но то ли действительность показалась ему какой-то не такой как прежде, то ли еще по какой причине, но Пыреев лег снова, закрыл глаза, и погрузился в сон. Вернее, так подумал Амосов, что тот погрузился в сон. И чтобы товарищ не проснулся раньше времени, Алексей слегка ударил его носком ботинка в подбородок. Для более глубокого сна, подумал Амосов. А

Пыреев, даже если до этого и не спал а притворялся, теперь отключился точно. А на Алексея вновь накатила волна воспоминаний и размышлений о жизни.

Сейчас он думал о том, что фактически все время жил не так как хотел в душе. Все время он вынужден был подстраиваться под окружающий мир. Причем, то ли не те ему попадались окружающие, то ли он действительно слишком часто искал поддержки да одобрения в других, но так вышло, что сейчас Алексей как раз не только устал от этого, но и у него стало развиваться обратное чувство. Он словно намеренно противопоставлял себя обществу. Нет, он, конечно, продолжал жить в этом обществе; но как бы уже получалось, что живя там - ненавидел его, и что уж совсем наверняка - относился с огромной долей иронии ко всему, что его окружало.

При этом это не была ирония, свойственная патологическим натурам, которые вследствие собственной психической симптоматики высмеивают всех и вся, или почти всех и почти вся. Нет, самоирония Алексея вдруг приняла какой-то особенный и законченный вид в индивидуальных проявлениях, пусть и в чем-то схожими с другими.

Но этих других Амосов не знал. Он вообще предпочитал меньше общаться с кем-либо, больше полагаясь во всем на себя. И он так и жил, в счастье и гармонии с собой, и отчасти в гармонии с окружающим миром.

И пусть он только подстраивался под этот мир. Это, по сути, было уже не важно. Да и так

было проще Алексею. И что уж точно, от такого взгляда он пока не решался отказываться.

--Да, наверное, и незачем,-- говорил он себе всякий раз, когда подступали какие сомнения целесообразности его взгляда на мир.

Глава 8

--Что он мог сказать? Что бы ему хотелось сказать?

--А о чем не хотелось бы?

Алексей вдруг стал задавать себе эти вопросы, как будто зная заранее, что ответы на них если и будут возможны, то произойдут как бы сами собой, большей частью случайно, и почти тогда, когда их он не будет ждать.

При этом Амосов отчего-то не хотел до конца считать, что это так. Но факты, которые собирали в единое целое разрозненные кусочки жизни, как бы уже говорили сами за себя. И ему казалось, что если действительно очень-очень захотеть, то он сможет в итоге нащупать ту нить, по которой в итоге выйдет наружу. Туда, где его ожидало счастье. Счастье, которое он искал пол жизни, и будет искать вторую половину жизни. Хотя вот кто-то говорил Амосову, что счастье он нашел. Что просто у него сбиты точки оценки счастья (как бывает иной раз сбит прицел,--тут же нашел аналогию Амосов). Или же слишком завышены требования к нему,--предположил Алексей, с любопытством посмотрев на Михаила Каротина, который искреннее (вот что удивило

Амосова - искренне!) настаивал, что свое счастье Алексей уже нашел, и не раз.

--Раз или не раз,--посмотрел на Каротина Амосов,--но мне кажется что подобные поиски просто по принципу не могут закончиться сразу.

--Верно,--кивнул Каротин.--Но это если смотреть на проблему однобоко, и забывать по ходу обсуждения суть вопроса.

--Позвольте не согласиться,--вступил в дискуссию третий собеседник, Пыреев.-- Позвольте не согласиться,--предположил Рудольф Константинович, поднимая вверх палец.--Ведь если только предположить, что Алексей проблему на самом деле видит. И что он действительно искренне считает что еще не достиг счастья хотя бы просто потому, что ставит перед собой завышенные амбиции, на реализацию которых нужны годы.

--А если так пройдет вся жизнь?--спросил Каротин, последовательно посмотрев на Пыреева и Амосова.

--Жизнь пройти не успеет,--уверенно сказал Амосов.--Разве что я действительно совсем не замечу, когда надо остановиться.

--Ну, в этом случае ты попросту загонишь себя,--предположил Пыреев, с интонацией соответствующей больше рассуждению с собой, или мыслям вслух, нежели чем поддержанием хода беседы. Хотя, как предположил Амосов, который подумал об этом же, беседа иной раз может поддерживаться не тогда, когда говорят все разом или вообще говорят, но и когда люди находясь вместе - просто думают. И тогда

энергетические потоки мысли как бы сливаются в единое целое, на каком-то этапе материализуясь.

И в очередной раз подумав об этом, он изложил свои предположения вслух, внимательно посмотрев на собеседников, и пытаясь по их мимике понять произведенный эффект от своих слов.

Алексей только начинал подступаться к вопросам материализации мыслей, в то время как Пыреев, как знал Алексей, помимо прочих своих интересов серьезно прорабатывал и этот вопрос. Да и вообще, если рассудить, он и сам, без подсказки со стороны, понимал, что все время подбирается к чему-то важному, что быть может по новому откроет перед ним окружающий мир, и что самое главное - поможет постигнуть тайны жизни. Не какие-то абстрактные да мистические, а как раз тайны, разгадка которых зиждилась бы на строго научной платформе. К тому же помимо почти крайней необходимости осуществления подобного, это было попросту интересно и важно для понимания жизни в целом. Причем Алексей подозревал, что фактически законы жизни могут проецироваться не только на какие-то конкретные ситуации, во время осуществления которых эти законы были раскрыты, то и что самое главное - благодаря раскрытию законов Алексей намеревался получить в свои руки алгоритм и последующих действий. И это поистине было не только важно, но и бесценно для него.

При этом возникало у Алексея ощущение, что словно бы ходит все время он вокруг да около. И как будто даже находя нечто, что необходимо ему, вдруг оказывается через время что это не то, или не совсем то, что ему необходимо.

--Может ты сам не понимаешь что тебе необходимо?--засомневался Каротин.

--Как не понимаю?--не понял Амосов.

--Нет, он понимает,--почему-то предположил Пыреев, хотя, по сути, он не знал как считает на самом деле.

--Да ладно уже,--махнул рукой Амосов, взглянув на Пыреева и Каротина.--Ситуация и на самом деле еще до конца не прояснилась. Но важно то, что я работаю над этим. И думаю, что когда-нибудь все получится.

--Блаженны верующие,--улыбнулся Пыреев.

--Не язви,--сухо бросил Каротин.

Поймав его колючий взгляд, Пыреев перестал улыбаться. Он не очень хотел быть не понятым кем-либо, и тем более теми, с кем общался ближе других. При этом особых друзей у Пыреева не было. Этим они как-то сблизились с Амосовым, который тоже предпочитал никого к себе не приближать. Что в их компании делал Каротин? Ну, как знал Пыреев, Алексей Амосов любил себя окружать разными личностями. Причем эти самые личности могли не находить понимания у других знакомых Амосова, но самому Амосову отчего-то были необходимы. Кто-то (как, например, Муракин), предполагали, что такие люди были необходимы Амосову для каких-то только ему известных экспериментов. И это отчасти

доказывал тот факт, что после какого-то времени от своих недавних знакомых Амосов безжалостно избавлялся. Хотя и стоило признать, что подобное происходило не сразу и не скоро. И какое-то время с такими людьми Алексей все же "нянчился", пока не находил повод расстаться.

Часть 3

Глава 1

А еще ему снились сны. Сны не простые. Вернее, простые тоже снились. Но в последнее время случай был особый.

Пока никому о своих снах, о содержании их, Алексей не говорил. Не хотел никому говорить. Это были только его сны. И хоть в снах периодически присутствовали на второстепенных ролях некоторые его знакомые, значения особого этому Алексей не придавал. Да и главное было совсем не это.

В своих снах последнего времени Алексей проживал жизнь. Сны, именно сны показывали этому внешне суровому человеку, что на самом деле есть и другая жизнь. Что он просто намеренно отказывался в своей обычной жизни от счастья и любви. Что все, что было у него доселе, в последние годы его нынешней жизни, все это есть не то и не так. Обман. Он жил в чувственном обмане, и всеми своими действиями как бы намеренно погружал себя глубже в этот обман. Тогда как в снах... В своих снах Алексей жил совсем иной жизнью. Там,

именно там и только там, были созданы все предпосылки по реализации всех его внутренних и быть может даже таящихся доселе талантов да способностей. Там, в снах, Алексей действительно проживал другую жизнь. И эта жизнь вдруг оказалась настолько отвечающей всем его как желаниям так и состоянию души, что он, быть может впервые за многие годы, опечалился, попытался остановиться, задуматься над тем что происходит. Жизнь, та жизнь, которая всегда была известна ему своим многообразием, эта жизнь предстала перед ним во всей своей красе. Алексей догадывался, что это только начало. Что быть может на самом деле все еще лучше, и наверняка дальше раскроется еще больше. И как же важно было сейчас не нарушить эту гармонию. Эту гармонию души; не нарушить связь между внешним, окружающим, и внутренним миром. Миром его искренних, бессознательных, желаний. Тем, что Алексею было действительно необходимо.

Он любил в своих снах. Любил тех, кто искренне любил его. Девушки и молодые женщины, представили перед ним. Немного их было. Иногда сны повторялись по главным участникам их. Иногда удавалось, проснувшись, заснуть снова, чтобы увидеть продолжения сна. Это действительно удавалось. А иной раз продолжение как будто одного и того же сна несло в себе ту же самую смысловую нагрузку, но главная героиня сна менялась. И в нее точно также влюблялся Алексей. Можно даже сказать, что по

настоящему, искренне, он открыл любовь только в снах. Кто-то мог бы предположить что это значит, что его настоящий мир Алексея был скуден на краски жизни. Да, это так. В своей обычной жизни Алексей был большей частью скромный и нерешительный человек. Который хоть и действовал в каких-то ситуациях, как говорится, "по ситуации" (надо было прикрикнуть -- мог и прикрикнуть, а промолчать - радостно молчал), но это, по сути, было не его. И только сейчас, в своих снах, Алексей вдруг понял, что настоящая жизнь совсем иная. Что та любовь, которая была у него, и о которой пока он действительно никому не говорил, эта любовь по своей значимости для него вдруг оказалась намного выше всех его недавних стремлений к достижению какого-то положения в обществе, да повышения статуса жизненного благополучия. Любовь, если была бы такая любовь у него в жизни...--с сожалением подумал Алексей. И даже его внутренний голос, постоянный участник почти всех внутренних диалогов, сейчас молчал, как будто соглашаясь с Алексеем. И стало от этого Алексею еще приятней. Он еще более укрепился в мысли, что это все действительно так. Что та жизнь, которая была в его снах, намного богаче, лучше, искренне и необходимее ему, чем самая распрекрасная реальность. И стал Алексей все больше ждать именно своих снов. Стал он с трепетным чувством ожидать ночи, чтобы вновь погрузиться в тот свой мир, где было счастье.

И ведь чем ему еще нравились сны. В снах, как понял Алексей, который конечно же беспрестанно анализировал природу сна, в снах Алексей был не только самим собой, но даже находясь в снах, он понимал что всегда может сделать шаг назад. Он знал, что это все-таки сон. Что сон может закончиться. Что сон не несет в себе каких-то слишком страшных последствий. И это, пожалуй, было самое важное, что могло быть. Потому что так получалось, что со временем ощущения, которые Алексей испытывал в снах, он стал экстраполировать и на обычную жизнь. Он стал замечать, что и в обычной жизни при желании все можно повернуть иначе. Сделать какое-то событие (как и людей, присутствующих в этом событии), как бы несерьезными, даже может быть ненастоящими. В шутку, слишком многое Алексей стал переводить в шутку, и убедился что шутка работает! Причем и эффект получается удивительным! Алексей стал получать возможность не только узнавать истинное положение, проясняя для себя ту или иную жизненную ситуацию, но и при ином развитии событий - не обижал людей каким-нибудь словом, которое показалось бы им несущим в себе иное смысловое значение. Так что получалось, Алексей еще и учился в снах. Учился жить.

Хотя главной задачей стала мысль о необходимости испытать любовь не только во снах, но и в реальной жизни. Тем более все перспективы к этому были. Обладая неплохой памятью, Алексей теперь мог искать не каких-

то абстрактных девушек или женщин, а полагаться на те образы, которые надежно впечатались в его память из снов. Ведь там с некоторыми из девушек Алексей готовился даже к браку. Он знакомился с родителями девушки, с ее родственниками, в исключительных случаях - даже с ее знакомыми, приятелями и бывшими ухажерами (последних Алексей в своих снах нещадно колотил).

И самое главное что теперь он мог выбирать. Природа удивительным образом сделала ему подарок. Так бы ему пришлось учиться на ошибках реальной жизни, ситуаций, произошедших в действительности. А так, получалось, он и проживал эти ситуации (потому что и те и другие оставляли свой отголосок в душе, а значит, событие фиксировалось психикой, запечатлевалось в памяти, и одинаково откладывалось в подсознание), и при этом не нес раскаяния за совершенные ошибки. Ведь каждый раз у него начинался новый сон. И даже если сны повторялись (что, впрочем, было очень редко), все равно многие детали сна менялись; причем иногда действительно изменялись и лица участников. Как будто ситуация та же, а лица другие.

.....
.....

Перед Алексеем вставал вопрос: что будет дальше?

Он понимал, что если так пойдет, то он вполне может и жениться в своих снах. Начать жить семейной жизнью.

--Почему нет?--спрашивал себя он иногда, и находил что действительно не видит препятствий. Совсем не видит. Что его немного пугало. Хотя и не настолько, чтобы отказываться как от бракосочетания, так и вообще от снов.

Глава 2

Он понимал, он чувствовал, что нашел некую лазейку, благодаря которой его жизнь могла показаться совсем иной, чем была на самом деле. Да и так ли ему было необходимо то, как было на самом деле? Алексей знал, что мозг фактически одинаково фиксирует сигналы, спроецированные как от реальной жизни, так и от фантазий его бессознательного. А если это действительно так,-- считал он,-- то он имеет фактически полное право жить этой другой жизнью. И даже не то, что он станет выдавать ее за жизнь настоящую. Нет. Хотя и где грань между настоящим миром и миром вымышленным? Все едино,-- считал Алексей; смотря только с каких позиций смотреть да обращать или не обращать внимание на нечто, что если и могло произойти, то почему-то или не происходило, или же происходило тогда, когда он этого не замечал.

--И ведь что на самом деле получается,-- размышлял Амосов,-- если только допустить, что он вдруг станет все более и более погружаться в реальность, то это ведь совсем еще не значит, что он попадет в то нечто, что можно будет этой реальностью назвать. Нет, тут не все так просто,-- приходил к заключению Амосов. Благо,-- жизненных лет прошло столько с его рождения, что он уже мог опираться в разрешении каких-то жизненных противоречий в том числе и на жизненный опыт. А если только предположить,-- продолжал размышлять он,-- что все, что происходило с ним сейчас -- есть нечто, чего и действительно не существует, то должен ли он после принимать во внимание какие-то жизненные обстоятельства? Или все же может позволить сделать какую-то поблажку? И жить, собственно, так как он хочет, думает, планирует жить. Быть может это более правильный подход?--рассуждал Алексей, постепенно внутреннее убеждаясь в собственной правоте.

И по всему выходило, что это действительно было так. Пусть пока и превалировало в подобных размышлениях бессознательное. Но ведь с другой стороны, проходит какое-то время, и то, что было в нашем бессознательном, обязательно переходит в сознание. Разве что переходит с некоторыми искажениями. Ну, так никто и не обязывал все переносить буквально. Да и сознание должно кроме того делать свой какой-то выбор. Что ему, собственно, осознавать.

.....
....

Конечно, в какой-то мере этот выдуманный мир казался Алексею Амосову уж слишком надуманным. Но с другой стороны, через какое-то время он перестал сравнивать эти два мира, сравнивать два собственных ощущения. Тем более что на каком-то этапе вдруг оказалось, что ощущения вполне совпадают, или почти совпадают. И тогда...

И тогда Алексей Романович Амосов почувствовал настоящее успокоение в душе. Ему и на самом деле стало спокойно. Он теперь знал, что с ним ничего не случилось и не случится. Он будет продолжать жить своей - теперь новой - жизнью. И все, что будет у него в настоящем и будущем, все это будет находить понимание в душе.

А ведь он всегда стремился к подобному пониманию. Раньше, когда Алексей только нащупывал какие-то схемы, которые могли бы ему лучше понять этот мир, он совершал немало ошибок. Позже, в какой-то мере закончив (вернее, вовремя остановившись) анализ ошибок, Алексей понял, что он, в принципе, нашел что то, что искал. Так же как и нашел, что ему больше незачем выискивать какие-то сомнения в собственной жизни. И необходимо попросту признать, что жизнь эта продолжается. А если так, то следует нащупать продолжение, по которому окажется он в состоянии двигаться далее, вперед.

И он уже знал, что будет идти вперед; идти, несмотря на попытки кого-то (большей частью себя) остановить движение. Нет, таких остановок,-- сказал он себе,-- не будет.

И Алексей пообещал, что будет двигаться вперед - лишь только с минимальным поворотом оглядываясь назад. Позади, в прошлом, хоть и было нечто, что всегда манило его, но и при этом Алексей уже угадывал, что именно в его прошлом таились многие беды, которые не позволяли ему раскрыться максимально возможно. И прежде всего главенствовало в прошлом чувство вины, которое каждый раз удивительным образом находило и извлекало из под сознания те факты, забыть которые было почти чрезвычайно необходимо для его будущего, потому что никакого будущего не будет, если не будет психического здоровья.

И вот это понял Алексей фактически только сейчас. Притом что можно было сказать (и он мог в этом признаться) подобное понимание пришло к нему почти одновременно (или чуть позже) обретения уверенности в себе. Уверенности постоянной, ведь Алексей мог предположить, что то, что следовало понимать под уверенностью, на самом деле разделялось как минимум на несколько составляющих. У вас могла быть уверенность в чем-то, но вот на что-то уже другое - такая уверенность могла не распространяться. Например, Алексей когда-то долго работал над тем, чтобы обрести в себе уверенность. Обрел. А потом вдруг понял, что в каких-то ситуациях ведет себя совсем даже не

так, как должен исходя из своего нового состояния. Что это? Отсутствие уверенности? Да, но только отчасти. Потому что когда вновь наступает та ситуация, где Алексей до этого чувствовал себя свободно, оказывается что он и сейчас точно также, чувствует себя свободно. А вот в другой ситуации, как будто и не то что пасует, а просто как-то ему не совсем уютно, что ли. И вроде как стремится он к чему-то, стремится наладить былую гармонию в душе, да вдруг оказывается, что пока многое ему невозможно. А когда же станет возможно?-- вопрошает себя Алексей. И размышляя немного больше, вдруг понимает что возможно, даже иной раз и более чем возможно. Но вот только необходимо какое-то время переждать, чтобы выработать что-то новое в понимании действительности. Да и сама действительность вдруг оказывается не совсем такой, какую он представлял ее раньше. Нет, все конечно осталось по старому, по-прежнему. Но и оказывается, что все и не совсем так. Что кое-что все-таки изменилось. Что оказывается -- он может сам принимать участие в таком обновлении. Что проходит еще какое-то время, и у него даже появляется определенное видение того пути, который должен быть у него. А если это так, если он сам начал понимать что это и действительно так, то значит он может, способен, оказывается в состоянии добиваться всего. И добивается. Добивается.

Глава 3

По сути, Алексей так чтобы особенно и не выбирал необходимую оправданность той или иной реальности, рассудив, что все равно, пока в здравом уме, сможет играть в эту игру. Он ведь вполне отдавал отчет реальности, понимая, что окончательное погружение в мир иллюзий будет означать, что он сойдет с ума.

Однако и нахождение все время в исключительном сознании (с тестированием реальности последнего) как бы уже также свидетельствует о чем-то таком, не совсем правильном. И уже если разобраться, видимо предполагаемый им путь и был как раз тот путь, который был ему наиболее необходим. Да и, по сути, могло ли быть иначе, если он и действительно понял, что такая жизнь станет для него весьма удобной, если рассматривать это в целом. Ну и совсем пока непонятно было - насколько затянулась эта игра. Ведь если предположить, что через время все должно закончиться,-- так, как говорится, не хотелось бы особо и привыкать. А если все-таки это надолго или навсегда, тогда другой разговор. Подобное было Алексею вполне приемлемо, да и вообще понятно. Понятно что к чему. Разве что...

Впрочем, Алексей Амосов гнал от себя какие-либо сомнения. Они ему попросту были не нужны. Ему было спокойно без них. Да и успел он пожить с разными сомнениями, когда сомневаться приходилось по поводу чуть ли не всего, и самым лучшим желанием было избавление от подобного как желания, так и

стремления к какому-либо желанию подобной направленности.

Следовало при этом понимать, что ему так-то уж не хотелось возвращаться обратно, в мир исключительной реальности? А ведь он, было, подумал сейчас, что может и хотелось, да вспомнил, что это на самом деле не так. Потому что этот мир реальности ему, по сути, никогда был или не нужен, или нужен постольку-поскольку. Ведь выходило так, что он и раньше всяческим образом пытался все больше общаться не с реальным, а скорее с выдуманным миром. И именно этот выдуманный мир прельщал его настолько, что Алексей чувствовал себя в нем с полным ощущением собственных представлений о комфорте. И при этом ему как-то хотелось постичь чего-то большего. Он предполагал, что за тем миром, который показался ему сейчас, который был виден прежде, существовал еще один мир. И тот новый мир как будто был в какой-то мере даже важнее или интереснее, чем мир, в котором волей судьбы пребывал он и поныне.

И словно бы даже получалось, что не очень-то и выходило пока у Алексея выбраться из этого мира. Да и может быть просто не пришло еще время,-- рассудил он, предполагая что всему свой срок, и если чего-то у вас сейчас нет, просто это значит что природа считает что вы пока не готовы. Что значит, опять же, что еще требуется время чтобы стало заметно что вы перешли на какой-то иной, и непременно новый уровень развития. И вот тогда...

Что будет тогда, Алексей пока не знал. Но судя по всему, то, что его ожидало, должно было ему понравиться, и что уж наверняка - вполне его устроить. А если так, то значит, у него были все возможности потерпеть до поры до времени. Занявшись пока чем-то другим, что, конечно же, приближало желанный миг.

И это было также верно, как и то, что ему было уже слишком много лет, чтобы не верить в результаты собственных размышлений. В которые не верить попросту не было оснований.

.....
.....

Он конечно мог сказать, что ему нравился этот выдуманный мир. Мир иллюзий, мир как бы и не настоящий.

Но так получалось, что именно этот мир был очень родным для Алексея. Ну и конечно же, в том он никому не признавался. Ему попросту незачем было признаваться в этом. Все как бы было в его обычной жизни иначе, текло своим чередом время уходящих мгновений, и ничто, конечно же ничто, не должно было говорить о том, что ему необходимо жить исключительно в одном измерении. Да и, наверное, уже это было невозможно.

.....

Но конечно наибольшую сложность вызывала необходимость следования зову подсознания.

Это только сейчас Алексей понял, что он фактически вынужден был все время подчиняться влиянию бессознательного, вынужден был удовлетворять те внутренние, низменные позывы, которые периодически накатывали на него; и только после подобного удовлетворения сознание медленно отступало, словно бы смирившись со своей невозможностью повлиять на ход вещей. Причем со временем ничего не менялось. Алексею только казалось, что пройдет какое-то время, и он сможет уже не обращать внимания на эти порывы души; но выходило, что это было совсем даже не так; что сколько бы не прошло времени, а он по-прежнему вынужден был совершать поступки, которые в сознательной жизни наверняка бы никогда и не совершил, а тут словно бы и вынужден был подчиняться, иной раз (после) и не понимая как такое могло произойти.

Но оно происходило, и как мог он признаться (признаться только себе), происходило регулярно.

В такие минуты Алексей отказывался принадлежать самому себе. Что-то его без его воли (воля - как ключевая характеристика сознания) влекло "на подвиги". Он пил, кутил, шлялся по значным местам, любил падших женщин, и сам себе (после того как приходил в себя) казался падшим. Но это было после. После всегда приходило раскаяние. Но вот в момент совершения безобразий, продиктованных порывами души, Алексей действительно не принадлежал себе. И может и

давно рад был избавиться от чего-то подобного, да не выходило у него ничего. Не получалось. Да, пожалуй, и не могло получиться.

Глава 4

Дмитрий Глебович Корин искреннее и по настоящему верил только в себя. А с людьми общался просто потому, что убеждал себя, что общаться должен.

При этом как-то приходилось ему скрывать собственные чувства, пока не понял, что может позволить себе этого не делать. На том и сошелся он с Алексеем Амосовым, у которого вдруг увидел, что есть чему поучиться. И, собственно, стал бы учиться, да решил, что в этом случае он станет переделывать себя, и тогда уже станет лишь подобием Амосова, тогда как давно уже решил, что должен оставаться самим собой.

Но они уже подружились. При этом Корин как-то искренне проникся к Амосову, стал, было, даже следовать за ним по пятам, да вовремя понял, что должен все же оставаться собой. Он понял, что вполне достоин себя, своего видения мира, и вообще, вполне и всегда может полагаться на свои силы. А как понял это, то поделился своими предположениями (или даже скорее это походило на утвердительные высказывания) с Амосовым.

Амосов, на удивление Корина, предположившего что тот вступит в дискуссию, лишь согласился с товарищем. Они ведь и действительно могли считаться товарищами.

Чтобы стать друзьями то ли Корину что-то не хватало в Амосове, то ли наоборот. Но по сути, их вполне устраивала и такая форма взаимоотношений.

Дмитрий Корин, небольшого роста, худощавый, с живыми бегающими глазами и походкой штангиста-тяжеловеса, был неопределенного возраста (между 25 и 40), учился когда-то в нескольких вузах да не закончил ни один, был почти женат несколько раз, но так и не женился, да и вообще, скорее походил на какую-то загадочную личность, хотя сам при случае говорил что честен со всеми, и в том числе с самим собой.

Было ли так на самом деле? Все почему-то считали что было. А Амосов хоть и не считал, но никому о своем мнении не говорил. Словно бы понимая, что его мнение сможет лишь запутать людей. Тогда как если какому человеку это действительно необходимо, то он может сам разобраться в мучавших его вопросах. А если не необходимо, то, получается, мнение Амосова лишь запутает такого человека. Да и, по сути, что он мог на самом деле сказать, как не усомниться в словах товарища. А любые сомнения если и возможны (ну, подобное еще можно допустить), то они, по мнению Амосова, не должны выходить за рамки общения двух людей. Потому что другие люди должны сами делать мнение о ком-либо. И вторжение в это время является манипуляцией над психикой, а Амосов не любил таких манипуляций, считая что во всем и всегда любой человек должен разобраться сам. И это

было мнение Амосова, и в этом мнении его абсолютно поддерживал Корин. Дмитрий Корин, человек, который необычайно тесно сошелся с Амосовым. И это по мнению всех, кто знал об их общении, было хорошо, потому что эти люди как бы дополняли друг друга. Пусть и подобное дополнение просматривалось скорее на некоем ментальном уровне, тем не менее, это было так. А если так, то как бы и не надо говорить лишнего.

.....
...

В течении короткого времени Корин сделал то, о чем в тайне мечтал Амосов. Он вновь сблизил Алексея с его друзьями и товарищами. Теперь в гостях у Амосова часто стали бывать Сыроедов и Мурзыкин. Как-то сами собой отпали сначала Муракин и Осокин, а после и Спичкер. А Доброходов и Каротин вдруг поспешили заверить Амосова в своей дружбе и исключительном уважении. Таким образом Алексей мог праздновать победу, если бы сумел разобраться что к чему, почему случился такой поворот, почему и отчего так все произошло.

Вскоре друзья-товарищи встретились и сами высказали каждый свое предположение по этому поводу, устроив своего рода расширенный стол-обсуждение наболевших вопросов. При этом Амосов узнал много нового о каждом. Например о том, что Каротин немного недолгоблывает Доброходова, завидуя

ему в его успехе и известности в научных кругах. А Сыроедов тайно приклоняется перед Мурзыкиным за отстаивание собственной позиции, и при этом при случае шпыняет его.

Весело им было всем вместе. И даже не заметили они, как неожиданно расстались. И уже, как понял Амосов, навсегда.

Глава 5

С тех пор как Алексей в очередной раз расстался со своими друзьями, он внезапно понял что должен во что бы то ни стало разобраться со своими мирами. Пока он жил в двух измерениях. Одно - это было его, родное, то, куда он никого не пускал. Этот мир отображал собственные взгляды Амосова на жизнь, и эти взгляды в большинстве случаев вступали в противоречие с общепринятой позицией общества по тому или иному вопросу. Этот мир Алексей берег и лелеял, и считал что в конце концов он сыграет свою роль. Пока уже было хорошо, что это было отличие его, Алексея, от других. Ну а что касается второго мира, так это был, может, и не мир даже, а лишь проекция взглядов Амосова на осуществление коммуникаций в обществе. Он играл да подстраивался под общество, в котором жил. И это было чуть ли не единственным залогом его победы над обществом. Потому что в ином случае - заклевали бы.

Глава 6

Невозможность подстраиваться под других и исключительная собственная избирательность и индивидуальность в отношении жизни, в конце концов давали свои плоды. Алексей почувствовал сам что изменился. Многое он в себе замечал такого, что раньше даже и не просматривалось. А вот теперь - предстало во всей красе,-- как шутил Амосов, разговаривая сам с собой. Ему о многом хотелось сказать себе. Он мог бы при желании сказать еще больше, да решил что пока не следует особо распространяться по поводу новых жизненных особенностей. И если говорить действительно избирательно, Алексей понял, что изменилось на самом деле может и не только многое, но и все. Он, прежде всего, стал другим. Не таким, как его знали окружающие. Не таким, каким знал сам себя. Каким, пока затруднялся ответить, но вполне возможно что не таким, каким хотел видеть себя.

И чего было больше в этих его изменениях - он тоже не знал. И меньше уже испытывал грусть по поводу прошлого, о котором ностальгировал раньше. Можно сказать, он стал жестче и беспощаднее и к другим и к себе. С собой он мог вообще сделать все что угодно. Его не могло ни что остановить, если он действительно желал этого, или к этому стремился. Притом что на начавшемся жизненном этапе он никому и не доверял тайну того, куда и к чему стремился. И не потому, что совсем перестал доверять людям, а скорее Алексей понял сущность большинства из представителей человечества, и попросту решил

не вводить никого из них в искушение
соблазном последующего обмана, к которому,
как понимал Алексей, были так
предрасположены люди.

При этом Алексей по-прежнему верил. Верил
он, правда, во что-то исключительно свое и так
необходимое только ему. Но уже точно что эта
вера была ему необходима. Вера базировалась
на прожитом опыте и имеющихся знаниях.
Вера, вера, вера...

.....

Прошло совсем немного времени. Алексею
Амосову как будто удалось упорядочить свою
жизнь. И хоть еще оставались возможны в этой
жизни всякого рода потрясения, тем не менее он
все же сумел действительно нащупать что-то
такое, что способно было, по его мнению,
направить его дальнейшую жизнь как на
разрешение внутренних противоречий (кои
представлена психика многих людей), так и на
поиск того избранного пути, который помог бы
ему прожить жизнь оставшуюся. Было Алексею
Романовичу 53 года. И он верил, что так это и
будет.

Часть 4

Глава 1

Тогда ему только исполнилось двадцать.
Тогда Алексей еще верил во что-то свое, быть

может даже удивительно прекрасное. Тогда он еще думал что все настолько в его силах, что он может позволить себе делать многие отступления от жизни, немного даже может пустив жизнь на самотек. Ну или почти на самотек, потому что с детства он все же привык хоть относительно, но контролировать ситуацию. И быть может даже искренне верить, что в любой момент способно все измениться. А даже если не изменится сейчас, то все равно судьба направит его по нужному направлению дальнейшего продолжения жизни. И с этой верой в незыблемость определенных философских категорий можно сказать что он и жил. Жил и... верил.

Он во многое и всегда верил. В какой-то мере вера больше складывается от бессилия, чем в ней присутствует здравый смысл, полагал Алексей. И именно тогда, в относительно юные годы, Алексей стал вести как бы попутно к той жизни, которая простиралась перед ним, еще и другую жизнь. В той новой жизни он был немного другим человеком. Это после уже все невообразимым образом и как бы без особого контроля сознания его смешалось. Но тогда... Тогда Алексей полагал, что все не совсем так просто, как может показаться тем, кто привык смотреть на жизнь легко, и как бы он заметил, спустя рукава.

Таких людей он знал. Можно даже сказать, Алексей неосознанно окружал себя такими людьми. В чем после каялся, периодически разрывал отношения, сходилась вновь, и уходил в никуда уже навсегда. И все время казалось

ему, что он что-то недоделал, что-то не успел, что-то наверняка еще будет впереди такого, где он и действительно сможет развернуться по полной программе. Но вот когда наступит подобное, Алексей даже не загадывал.

По сути, не предполагая, что получится выйти на иной уровень развития (тайное желание Алексея), он как-то особенно не расстраивался по воду этого. Но переживал уже от того, что не расстраивается. И все это уже вносило в его душу некий дисбаланс. Как часто происходит, когда мы с одной стороны понимаем что чего-то делать не стоит, но все же делаем, словно и не обращая на предостережение самому себе.

Во многом, конечно, запутывал, Алексея -- Мурзыкин. Этот человек являл бы собой почти полную противоположность Алексею, если бы сам Алексей не находил удивительную бессознательную схожесть с Глебом Мурзыкиным. Причем в чем в действительности проявлялась такая схожесть -- сразу было не заметно. Однако не раз раздумываясь об этом, Алексей понимал, что если бы когда-то раньше он не предпринял путей к изменению себя, то наверняка стал бы таким, каким являлся сейчас Мурзыкин. И ведь нельзя сказать, что Мурзыкин был каким-то плохим. Скорее неудачником. А с такими людьми с недавних пор Амосов решил не

общаться, или свести общение до минимума, пока те сами не отпадут.

И отпадали. Отпали уже многие, а вот Мурзыкин держался. Держался до того, что Алексею иной раз становилось даже неудобно перед Мурзыкиным за то, что он игнорирует его. Хотя и что-то все равно удерживало Амосова от того, чтобы окончательно раскрыться перед Мурзыкиным. Что-то мешало ему быть с тем до конца искренним. Может боязнь предательства? А может просто нежелание слишком близко кого-то допускать к себе.

Наверное, было и то и другое, да еще и третье. Но сам Алексей, если и думал об этом, то все же предпочитал, чтобы подобные мысли не слишком омрачали его существование. А если предположить, что Алексей иной раз ругал себя (через время перейдя на установки себе - "не делать того или иного"), становилось заметно, что он еще до конца не решил как ему следует поступать. Так иногда с ним бывало. И он это знал.

.....
....

На него все чаще накатывали воспоминания. В них он как бы видел себя другим. Хотя и подозревал, что видимо и не изменился особенно. Не изменился что касается своего внутреннего содержания. Наличия того единого стержня, на котором фактически все и

держалось. Позже все как бы накладывалось на то начало, что уже было, что получено от рождения, что никуда и никогда не исчезает, а только мимикрирует, подстраиваясь под необходимость проекции внутреннего мира - на мир внешний.

И Алексей чувствовал что он находится как бы на стыке огня между потоками информации, получаемой с внешнего, окружающего мира, смешиванием такой информации с той, что имелась в его личном и коллективном бессознательном. И последующим транспортированием уже обновленной информации, которой наполнялась и из которой состояла его внутренняя сущность, на мир отличный от его внутреннего мира, на мир внешний, окружающий. И это все было действительно так.

Глава 2

Он рано понял свою зависимость от женщин. Понял, но не признался в этом. Даже может и наоборот, сознательно выдвигал всяческие заслоны на пути излишних, как считал, контактов с женщинами.

Женщины вводили Алексей в трансовое состояние; сознание ни когда до конца в общении с ними не контролировало ситуацию, а так как Алексею Амосову большей частью попадались не совсем честные женщины, то они умело пользовались его доверчивостью, и можно предположить даже беззащитностью. А он... Пока был молод - страдал, понимая что все

не то и не так. Потом стал постепенно превращаться в циника (цинизм - как защитная реакция, понимал Алексей). После уже не захотел изменяться. Да и не знал как. Поэтому свои отношения с женщинами Алексей стал сводить или исключительно к сексу, или ограничивался деловыми контактами. Просто так женщин он не любил. И лишь много позже Алексей понял что ему не надо было так-то уж разделять людей на женщин и мужчин, потому что то, что с его психикой делали женщины, точно такую же нагрузку он получал и после общения с мужчинами. Можно сказать, что Алексей (даже несмотря на то что понял что окружающие хотят подчинить его себе, навязав собственную волю) все равно никак не мог долгое время выработать способы противостояния такой агрессии. Да, он должен был общаться. Да, он стремился изменить ситуацию. Но как-то выходило, что такое стремление было больше вымышленным, чем реально осуществимым. И Алексей, несмотря на то что это понимал, продолжал вырабатывал свои методы управления собственной психикой.

Но разрабатываемые методы множились, а ошибки по-прежнему совершались. И тогда Амосов стал задумываться о неких иных силах, которые не простираются в спектре действия диалектического материализма. И являли собой такие силы по видимому именно ту метафизику, от которой так открыто дистанцировались Маркс с Энгельсом, скорректировавшими, по словам Сталина, учение Гегеля. Алексей Амосов все глубже погружался в философию.

Он видел, скорее даже, интуитивно угадывал, именно в этом тот путь, которое поможет ему выбраться из оков неудач, сковавших разум.

Но до победы было еще далеко. Тем более словно находилось все время что-то, что уводило Алексея в сторону, не давало ему до конца углубить то начало, которое, как он подозревал, было генетически заложено в нем. Но пока видимо попросту не наступило еще время. И Алексей готов был ждать.

Глава 3

Он, конечно, мог говорить, что был готов к такой свободе, когда бы жил так, чтобы никто ему не мешал. Но, по сути - он был к ней не готов. И понимал это сам. Понимал как никогда сейчас, понимал раньше, понимал,-- и не верил в то, что может с этим получиться что-то плохое, не такое, как предполагал он раннее.

.....

Алексей одновременно понимал свое величие, и не задумывался о нем. Ведь так выходило, что почти совсем неважно, как и что было на самом деле. Намного важней оказывалось ваше мнение относительно того или иного вопроса. Притом что совсем было неуместным, на его взгляд, распространяться вслух о себе. Поэтому он попросту жил своей жизнью. И жизнь эта все больше походила на жизнь разведчика. А он, получается, ежедневно совершал свой подвиг. Подвиг разведчика.

.....

.....

В какой то момент Алексей решил, что непременно и срочно должен начать действовать. Вдаваться далее в размышления о собственной жизни могли увести его настолько далеко в сторону, что ему будет попросту трудно возвратиться обратно. При этом он допускал изначально существование возможных отклонений от собственного плана. А потому допуская это, предпочитал особенно не загадывать как и что будет дальше. С недавних пор он все больше находил подтверждение библейской истине. И потому предпочитал жить сегодняшним днем, лишь полужакрытыми глазами изредка посматривая вдаль, в будущее. Притом что он действительно взял за правило слишком много не загадывать, и лишнего не замечать в этом своем будущем, которое, впрочем, могло еще и не начаться.

И тогда он навсегда,-- подумал Алексей,-- останется в настоящем.

И прошлое, как бы не манило его, уже не вызывало в душе того трепетного восторга, как это случалось раньше. Да, Алексей продолжал жить, храня в душе память воспоминаний. Но все чаще и чаще такие воспоминания начинали искусственно моделироваться им. И как догадывался Амосов, их истинная сущность все более и более подменялась искаженным

взглядом на произошедшую с ним когда-то действительность.

И поначалу даже сложно было сказать, как и что должно было быть на самом деле, чтобы Алексей поверил, что именно так и должно быть. И он верил. Можно сказать что верил. Но вот во что он верил, пожалуй, и для самого Алексея оставалось загадкой.

Хотя можно было сказать что он верил в истину. По большому счету именно истина была как раз тем, что всегда находило положительный отклик в душе Алексея. Он даже начинал чувствовать себя намного приятней и свободней, когда был не скован тяжестью воспоминаний.

--Надо становиться немного негодяем,-- сказал себе Амосов, и решил на какое-то время попробовать от прошлого отказаться вовсе. Ну, или вернее, отказаться в той мере, в какой это могло бы показаться ему полезным. Полезным для его жизни. Полезным - для продолжения жизни.

Глава 4

Он не думал, конечно, что ему вновь придется делать это.

Очень ему хотелось стать другим. И это был не порыв души, как кто-то (да и он сам) считал поначалу. Нет, он действительно стал другим. Или, как понял сейчас, хотел им стать.

А на самом деле, Алексей научился только подстраиваться под ту модель его видения

окружающими, которую, как замечал, все хотели от него видеть. В душе Алексей остался таким же.

Началось все случайно. Еще до конца не отдавая окончательный отчет в произошедшем, и даже воспринимая это как шутку, Алексей Амосов вдруг настолько ясно все осознал, что решил, что теперь уж точно нечего ему перекраивать судьбу. И если на роду написано ему оставаться собой, то собой он и останется. Ну разве что для тех окружающих, которые не совсем близко его знают, и потому больше воспринимают как образ, чем реальность, Алексей будет по-прежнему таким, каким они хотят его видеть. Ведь он знал, что в этом случае лишь только что-то неординарное сможет изменить мнение таких людей.

Но чего-то совсем уж неординарного Алексей интуитивно старался избегать. А потому как один из способов защиты, решил, что будет просто меньше общаться с такими людьми, чтобы лишний раз не травмировать их психику, и остаться в их памяти таким, каким они его хотели видеть, ну и видели, разумеется. Люди любят легенды и мифы. И Алексей не считал необходимым разубеждать их в собственных взглядах.

.....

Алексей стал охотиться за негодьями. Причем таких негодяев накопилось столь много, что он даже не затруднял себя серьезными поисками.

Информация и так стекалась к нему, и все что оставалось Алексею - выслушивать мнение тех, кто жаловался ему, и реагировать по обстоятельствам. Причем Алик Германович (под таким именем Алексей был известен в научных кругах; причем, наверное, он и сам забыл, где были его настоящие имя-отчество-фамилия а где вымышленные) не проводил каких-то серьезных расследований по подтверждению получаемой информации. Он полагался только на себя, на свои знания, на свое понимание психологии индивида, на собственное мнение. Поэтому, слушая рассказ того или иного человека (для этого Алексей учредил на подставное имя "Фонд защиты от жизненного произвола", куда стекались жалобы граждан друг на друга, на правоохранительные органы, на врачей, на чиновников и тому подобное) он реагировал по обстоятельствам, и главным образом исходил из мнения, которое ему подсказывала его интуиция. Причем людей он не убивал. И хоть это были не люди, а негодяи, Алексей их действительно не убивал, руководствуясь какими-то своими принципами. Но... лучше бы он их убивал, как сказал кто-то из следователей, сбившись с ног в поиске преступника, и... особенно не искавших его по своим причинам.

Так вот, Алексей не убивал негодяев, а уничтожал их психику, вкладывая столь сильнодействующее лекарство, что впредь такие люди уже не отдавали отчет реальности, не могли самостоятельно содержать себя, и превращались в животных. Но при этом мало

кто знал, что Алексей не просто вкалывал им лекарство, но и добиваясь трансового состояния после укола, вводил им в подсознание установки, действуя гипнозом, и программируя клиента таким образом, что для того после этого жизнь была уже не нужна, но умереть он не мог.

И такому человеку оставалось мучиться до конца дней, мучить себя и добрых родных, по русской традиции не бросавших родственников на произвол судьбы, и таким образом профессор Восома фактически калечил жизнь многим людям. И считал, что все делает правильно. Потому что если родственники сами не уничтожали подонка, в душе оправдывая его, то значит и они виноваты. А кто виноват - должен нести плату.

.....

Можно сказать, что изменился обратно Алексей не сразу. Какое-то время ушло на сопоставление опыта новой жизни, и той, что была. При этом и в первом и во втором случае находил он и свои минусы, и свои плюсы. А потом вдруг разом понял, что основная ошибка как раз заключалась в стремлении что-то изменить. Другими словами, сначала он нарабатывал жизненный опыт (со своими победами и поражениями в течении этого срока), а после стал заставлять себя такого опыта не замечать, и для большего спокойствия вообще отказаться от него.

И только в лицах знакомых он читал легкое недоумение. И тогда он избавлялся от этих знакомых, расставаясь с ними. И даже как-то оправдывал себя при этом, хотя и приводил (опять же для себя; из-за своего скрытного характера своими проблемами Алексей ни с кем не делился) в качестве необходимости подобного шага зачастую совсем иные факты, отличные от истинного хода собственных мыслей.

Но и даже сейчас, когда Алексей понял что к чему, понял что он совершал серьезнейшую ошибку, подстраиваясь под мнение других, тогда как надо было слушать только себя, полагаться на себя, и действовать исключительно с позиции собственного видения ситуации, так вот как только понял он это, то уже ничто не могло его отвратить от того, чтобы жить так, как он хочет, как хотел, как должен был.

.....

В последующие несколько дней Алексей привел в порядок собственные дела. Имя Алик Германович он решил оставить только для тех, кто его знал как ученого, и только среди ученых. Тогда как сам он стал Алексеевым. Алексей Алексеев. Фамилию Амосов он тоже оставил. Под этой фамилией его знали окружающие. А вот Алексеев был его псевдоним. И под этим псевдонимом (он всегда представлялся под фамилией, соответствующей моменту, немного скептически относившись к

кличкам) его знали те, кто должен был ему помогать в его мести врагам трудового народа. Выродкам, в общем. Алексей решил что он, именно он должен стать одним из тех, кто поможет обществу начать избавляться от сволочей и подонков, наказывая и этих подонков, и тех, кто вырастил и воспитал их таковыми. За все каждый должен нести плату, не раз повторял Алексей, и вскоре настолько поверил в собственные слова, что не считал необходимым что-то оспаривать в собственных взглядах на жизнь.

А еще через время он начал действовать. Первая цель жила в соседнем дворе. Соседская девочка как-то пожаловалась маме, а та пришла в созданный Алексеем фонд, что отъявленный негодяй, некто Мухин, всегда пьяный, не имеющий постоянного места работы, примерно 27-29 лет, живший вдвоем со своей матерью, тоже алкоголичкой, как видит девочку, делает всякие грязные намеки сексуального характера. "Мухин -- подонок общества",-- вынес ему приговор Алексеев, и в течении нескольких дней приговор был приведен в исполнение. Мухин был превращен в растение. Он теперь был не в состоянии даже ходить, только лежал. Алексей избирательно воздействовал на его мозг, заблокировав некоторые участки. В зависимости от тяжести вины того или иного отброса общества, разнились и методы в арсенале Алексея. Например, он мог сделать человека навсегда веселым. Такой человек будет постоянно смеяться, реакцией на горе у

него будет тоже смех. Тогда как реакцией на радость - у такого человека будет плачь и состояние скорби на лице. Таким образом, Алексей Романович (он снова взял свое имя) делал из негодьяев не активных членов общества. При этом он никогда не только не ошибался, но и не давал ни кому шанса к исправлению. Те кто попадали к нему -- фактически были обречены. Причем в его действиях все было настолько грамотно и необходимо, что правоохранительные органы не спешили искать виновника происходящего, а кто-то из сотрудников в душе был согласен, что такая мера избавления от подонков оправданна.

Глава 5

Конечно, он мог бы и раньше оставаться самим собой.

Можно даже сказать, он фактически шел к своей цели.

Разве что для достижения ее пришлось Алексею пройти как бы двойной путь.

Но и даже то, что он вернулся назад, еще совсем ничего не значило, потому что вернулся он не один, а с прожитым опытом. И он понял, что многие отдали бы все, чтобы жить так как он, и чтобы в незримых помощниках был пройденный опыт. Да и можно сказать, что такого достигнуть практически невозможно. А сам Алексей платил за эти достижения суровую плату. Ибо он если и жил, то это была уже не та жизнь, как раньше. Да и, по сути, он ведь не

возвращался назад. Он жил новую жизнь; просто с недавних пор стал подкреплять эту жизнь не только воспоминаниями о прошлом, но и сейчас отличие от прошлого состояло в том, что Алексей использовал в новой жизни опыт жизни прежней.

Он попросту неожиданно понял, что ему совсем необязательно отбрасывать эту жизнь. Ему необходимо максимально пользоваться достигнутым ранее.

И как только понял он это, ему стало намного легче.

.....

Он понимал, что все больше погружается в пропасть.

Но и отступать назад уже не мог. Можно сказать, что как раз сейчас максимально проявилась та его внутренняя сущность, когда он все готов был поставить на кон. Чтобы или выиграть, или проиграть. И отличие заключалось в том, что подобное должно было произойти разом, сразу. Победа или поражения. В течении короткого времени могла идти подготовка, но результат был скоротечен. Он не хотел и не мог ждать, растягивая неизвестность. Ему необходимо было все и сразу. Все -- или ничего. Он готов был к поражению также как и к победе. За исключением лишь того, что поражение не рассматривал. Верил в победу. И видимо пока это было необъяснимо, но он притягивал победу. Притягивал своей энергией.

Притягивал чем-то таким, что должно было и впредь приносить ему исключительную удачу.

И при этом Алексей помнил слова Карен Хорни, которая писала что победа, успех, зачастую зависит от случайности. И он готов был к этой случайности. Как был готов вообще ко всему в своей жизни. Он просто научился в течении жизни заставлять себя быть безжалостным к себе и к другим. Вернее - к себе, а значит и к другим. И никогда к другим, а значит к себе. Алексей был честен в первую очередь перед собой. Честен, неподкупен, хотя и позволял себе - радовать себя. Но об этом мало кто знал. Как не знал о его страсти к общению с женщинами исключительно в постели. Секс был у него поспешен, почти не раздеваясь, и обязательно партнерши должны были меняться каждый день. Так ему было легче поддерживать себя на грани выживания. Так ему было легче не сбиться с ритма жизни. Так ему было легче идти по канату жизни.

Причем все чаще оказывалось, что с одной стороны каната была пропасть, и с другой - смерть. И любое неудачное движение означало, что другой попытки не будет. И то, что ему не удалось, уже не удастся никогда. А значит все надо было делать наверняка. Без каких-либо уступок себе. И... с ожиданием смерти. Он всегда был готов к смерти. Если раньше он переживал что не может умереть, потому что недоделал какие-то дела, сейчас Алексей считал что эти недоделанные дела были не так важны.

Он жил на грани, ходил по лезвию бритвы, и не рассматривал никаких путей спасения. Ему

это было не нужно и не важно. Он считал это проявлением слабости. Той слабости, которую никогда бы себе не простил. Слабости, во время которой (если случится она) способен уничтожить себя как последнего негодяя и мерзавца. Он сам принял такие правила игры. Он сам решил, что попросту не может и не должно быть иначе. Он сам понял, что это, пожалуй, наиболее лучшее, что могло быть.

И потому Алексей не хотел и не собирался изменяться. Какое-либо изменение было равносильно предательству. А предательство в любой форме Алексей не приемлел. Он презирал смерть, слабость, мелочность, и прочие причины и следствия проявления слабости. Он верил во что-то свое, допускал что поймут его не многие, а может не поймет и никто. И потому Алексей, будучи как всегда открытый ко всем, оставался максимально закрыт к любому проявлению откровений. А если и демонстрировал оное, то скорей всего это было показное, и необходимое для реализации исключительно какого-то плана Алексей, необходимое для решения временных задач, которые он в великом количестве ставил перед собой, и решал, решал, решал. Можно сказать, в этом решении Алексей всегда попутно решал еще и другие проблемы. Если задача требовала решения только себя, если попутно решению ее не было возможности решить еще несколько задач, или как минимум выработать алгоритмы по решению их, Алексей предпочитал переходить к другим задачам. Он не мог растрачивать свое время попусту.

Слишком коварной и скоротечной была жизнь. Слишком мало оказывалось у него возможностей допускать отклонений в этой жизни. Слишком не любил и не умел он отступать и сдаваться. И шел вперед. Он все время шел вперед. Он прорубал себе дорогу, а если того требовали обстоятельства - уничтожая врагов на своем пути.

И в этом был он весь. И нельзя было сказать, что ему нравилось или не нравилось, когда это было так. Он попросту не мог иначе.

Глава 6

Алексей явно ощущал начавшиеся пертурбации в жизни. Связаны они были в первую очередь с изменением мышления. Можно было добавить - неожиданным изменением мышления, ибо получалось так, что то, что для него представляло интерес ранее, неожиданно исчезло (как-то сразу и бесповоротно); тогда как новое манило своей красотой да неизведанностью.

Ему действительно оказывалось приятно ощущать себя в новом ракурсе понимания жизни. Многое вдруг стало для него настолько понятно, что он более не испытывал тревоги по поводу того, что ввергало его в уныние. Появились какие-то новые ощущения осознания действительности. И он поймал себя на мысли, что ему совсем не хотелось избавляться от этих ощущений.

Однако прошлое словно бы неотступно следовало за ним, иной раз опережая, а иногда

исчезая внезапно, чтобы появиться вновь. Однако не только прошлое преследовало его. Вернее, не только далекое прошлое. В последнее время как-то все стало так происходить, что события, произошедшие как будто и недавно, появлялись перед ним в своей побочной сущности. Подобным Алексей называл тот факт, что раньше он считал, что должно было пройти время, прежде чем та или иная (когда-либо произошедшая ситуация) проявит себя, вызвав или разочарование, или же радость победы. Так вот, теперь это время могло пролетать настолько быстротечно, что Алексею иной раз ничего не оставалось, как задумываться все чаще. Ибо события, участником которых становился он сейчас, могли показать свою сущность уже чуть ли не завтра. Да, он понимал, что за совершенные поступки человек всегда несет расплату. Но чтобы ошибки (а чаще всего это были ошибки) случались с ним так часто... Об этом уже следовало как минимум задуматься.

И хотя Алексей и так почти все время, отведенное на жизнь, проводил в раздумьях, все чаще оказывалось, что он действительно совершает много ошибок. Или же, подумал он, ошибку совершает одну, а уже та разветвляется на многие составляющие. И все что ему нужно...

Алексей не знал что ему нужно. Нет, он знал, конечно, но пока не был уверен, что все это действительно так. И все потому, что все труднее ему становилось собраться с мыслями по поводу необходимости делать решительные

шаги. Определяться, в общем. Определяться с собой, со своей жизнью, определяться с необходимостью того выбора, на который он, в общем-то, уже давно решился, да все время находилось нечто, что уводило его в сторону, вынуждая откладывать как вроде бы вдруг оказывавшимся скоропалительным решение. Или, вернее, это он почему-то считал, что решение скоропалительное. А на самом деле (и даже вполне возможно, --думал Алексей) оно таким совсем и не было. А было очень даже оправданным; да вот только не мог он разом изменить судьбу. Но и даже это было бы вполне нормальным, если не думать о том. А Алексей думал. Думал, вспоминал, корил себя, и в итоге это все вносило иной раз такую сумятицы в его мысли, что ему уже ничего не оставалось, как прекратить собственные страдания, да придти наконец к какому-то единому знаменателю.

Хотя это пока и не получалось. Не получалось потому, что этот знаменатель все время норовил ускользнуть от него. И даже ощущение, что Алексей к нему каждый раз приближается, было обманчиво. Да и не так. Все было на самом деле не так. А как - Алексей не знал.

Однако нельзя было сказать, что он запутался. Нет, все, что ему было необходимо в жизни, он знал. Знал и пользовался основными шаблонами поведения, стереотипами, которые помогали ему, хотя и не так что уж постоянно да всегда.

Но он и это предполагал, а потому периодически корректировал собственный курс, считая что когда-нибудь... когда-нибудь он

сможет добиться наконец того, что ему было необходимо.

Глава 7

Нет, конечно, если бы его так-то уж спросили, он бы ответил. Но вот вопрос только в том, что сам Алексей внезапно многое вдруг расхотел из того, к чему как будто бы раньше стремился. Да и вообще, уже получалось, не к тому и стремился. У него вдруг сменились жизненные приоритеты. Изменились желания. И все действительно стало по-другому.

.....

Амосов с удивлением отмечал характер нововидений в психике. Раньше как будто тоже что-то могло быть по своему интерпретировано им как поистине загадочное. Но специфика психики Алексея Амосова, и проекции психики - взгляд на жизнь, позволяла Алексею находить объяснения действительно если не всему, то многому. И порой выходило так, что он сам угадывал наигранность подобных объяснений. В большинстве случаев его почти все удовлетворяло. Разве что случался иной раз некий разброд между желаниями и возможностями осуществления оных. Но Алексей ко многому привык относиться по меньшей мере философски. Поэтому если что-то такое и происходило - старался не обращать внимания. А если не

происходило - сам провоцировал возникновение чего-то, от чего росло негодование в его душе.

Это был период ученичества и относительной зрелости, как когда-то признался сам Амосов. Он слишком долго ждал окончания подобного периода, и потому, когда он закончился, Алексей подобного не заметил. Вернее, сразу как будто не заметил. Но специфика подобных преобразований такова, что они происходят сами, совсем не спрашивая о том какие-то структуры психики. А начавшись - идут если не до победного конца, то уж точно, до какой-либо осознанной линии предела, после наступления которого человек уже не может и не хочет жить по старому. А все новое вдруг разом заполняет его, и ему уже совсем ничего не остается, как принимать себя таким каким он стал, принимать себя в новом обличье. А после проходит еще какое-то время, пока это его новое обличье не начинает нравится ему самому. И тогда вновь у такого человека наступает состояние внутренней гармонии, к которой подсознательно стремиться каждый.

.....

Ему не особенно хотелось признаваться, что мучила его тревога. Тревога, тревожность, именно ее щупальца постоянно окутывали душу Алексею, и ему приходилось (чтобы даже не избавиться, об этом можно было только мечтать), а лишь заглушить ее, приходилось делать порой слишком серьезные усилия. Усилия, часто стоившие ему, как он считал, жизни.

Хотя сама жизнь продолжалась. Казалось, ничто не могло прекратить его стремительный бег по жизни. При этом и сам бег был вызван тревожностью, необходимостью и заглушить внутреннюю боль, боль души, и поскорее расставить все точки над "и". Ему это было действительно необходимо. Слишком долго он ждал, чтобы взять и прекратить все попытки добиться избавления. Притом что само избавление даже если и было близко, то все равно, видимого окончания пробега не было. Что было? Был бег в никуда. Было постоянное стремление кому-то что-то доказать, и на каком-то этапе такого существования - желание что-то доказать прежде всего себе. Очень скоро он понял, что фактически все остальное для него ничего не значит. И тогда уже именно желание добиться избавления от страданий и было тем обязательным и непременным компонентом подобного бега по жизни. Жизни, за которую он думал что и не удержится, а получалось, держался. И даже не только держался, но и желал что-то доказать самому себе.

И спутников по жизни он подбирал себе таких же. Подбирал быть может и в тайной надежде что они окажутся способными помочь ему, пока понял, что на самом деле помочь себе сможет только он сам. Да подобное и трудно считать настоящим откровением, ибо постепенно к такому выводу приходят многие, а невротики, каким был Алексей, в особенности. Такие люди считают что если не они, то никто, и взваливают на себя обязательства по жизни,

которые постепенно и медленно убивают их изнутри. А что делать? - не раз спрашивал он себя, или наверняка должен был спрашивать, ибо что и о чем он себя спрашивал - Алексей с недавних пор предпочитал умалчивать, видимо понимая что и ни к чему так-то уж слишком раскрывать душу даже перед собой. Тем более он опасался делиться с кем-то собственной болью души. Полагая что всегда найдутся те, кто предадут его. Кто решит использовать его для решения каких-то своих задач. И Алексей старался отдалять от себя подобные мысли. Старался не идти на поводу у них, думать о чем-то другом, считать что может быть ничего и не было, а то что было, было как бы и не по настоящему. Вот ведь как бывает, думал он иногда, но и тогда, когда он думал так, боялся прежде всего за себя, за свое сознание, верил... Быть может он ни во что и не верил. Но почему-то выходило так, что пока он не знал правильного решения когда-то поставленных перед собой задач.

Глава 8

Ему, конечно же, хотелось спать с женщинами. Спать, и совсем не так, как обычно он это делал с глупыми и неумелыми девочками, с которыми занимался любовью только от того, что они любили его. Ему хотелось любви. Любви половой и запрещенной. Ему хотелось такой любви, чтобы дух захватывало. Чтобы после уже ничего не хотелось. Чтобы мог он насладиться любовным

актом подобного рода общения. И чтобы никто, вы слышите: никто (говорил или что верней - почти кричал он, обращаясь в пустоту) не смог прекратить подобного рода сеансов любви.

Жизнь в его представлении и действительно походила на такие сеансы. Пусть и пока основная часть подобных сеансов проходила в несуществующей реальности. Но именно в такой реальности он жил. Ему хотелось жить. Он не мыслил иного, и совсем скоро пришел к заключению, что сама по себе жизнь, ничто иное как выдуманный мир. Мир, в котором если кто-то и существует, то лишь в собственной плоскости восприятия внешнего мира. Проекция внутреннего мира в мир внешний. Ибо кроме такого ничего более не существовало.

От таких мыслей Алексею становилось невесело. Да он и понимал иной раз больше, в чем мог себе признаться. Но если разобраться, все это его понимание фактически ничего не значило в том плане, что он не видел четкого намерения оказывать влияния на происходящее. И при этом ему совсем не хотелось чтобы происходящее проходило само собой, шло каким-то неведомым ему чередом. Ему действительно такого не хотелось.

Может он сам не знает что хочет?--не раз спрашивал себя Алексей, но задав вопрос, сам же уходил от ответа. Да, ему казалось... Впрочем, он избегал продолжения жизненных историй в сочетании слов кажется, казалось, а также различных неуверенных аккордов типа "может быть" и прочее. Он избегал, он не хотел

уже продолжения после этого, он вообще, можно сказать, не видел какого-то продолжения, потому что вообще, получалось, не видел многого, или что еще вернее - этого многого просто намеренно не замечал. Вот ведь как!--бывало восклицал он, да почти тут же понимал что было это на самом деле не то, не совсем то, а если что-то и намечалось более-менее конкретное, то что уж точно, не приносило ему такого уж осознанного морального удовлетворения. Алексей стремился получать моральное удовлетворение от любого рода деятельности, предполагая, что именно это помогало ему доселе выживать.

Вообще-то ему приходилось трудно. Он сам иной раз опасался собственных мыслей. Понимал, что не может понять их, понять причину возникновения; что для человека, который привык почти всю сознательную жизнь отдавать отчет реальности было сродни убийству собственной души. И ведь действительно запутался. И ведь действительно выдумывал фактически больше, чем помнил сам. Слишком многое ему было дано. Слишком большие способности удалось ему развить в себе. Слишком ко многому когда-то он стремился, и слишком многого достигал. Достигал, прежде всего, еще и потому, что понимал бег времени и законы мироздания. Сам стал жить по таким законам. Да, он понимал, что фактически ничего еще не закончено, и быть может сейчас вообще наступает только начало. Но вот как ему удержаться в седле, как не предать себя, свои начинания, стремления,

как, единожды подстроивший на сумасшедшие ритмы собственного существования не считать, что где-то близится окончание. Ведь любое окончание процесса, протекающего в положительном русле - есть та же самая тревога, от которой фактически они все время и бежал. Да, можно предположить, что бежал он иной раз ни туда, или что бег его был может даже и ошибочен. Но ведь не всегда необходимо было считать так. Ведь понимал он, что многого еще попросту не понимает сейчас, что многое оставлено как бы на потом, многое откроется ему после. После, после, после... Он не любил повторять слово "после". Как-то так вышло, что с какого-то времени (сам не помнил какого) Алексей начал чураться ряда слов, которые несли в себе в своем продолжении (при вырисовывании таких слов в фразы) серьезные последствия. И это было так. И это было печально, но действительно было так. Он знал об этом, но не мог и в этом случае ничего поделать с собой, потому как виделось ему всегда более чем угадывалось, а угадывалось почти совсем не то, что было на самом деле.

.....

.

Алексей не очень любил людей. При этом он предпочитал лучше не говорить о них ничего, чем подвергнуть кого-то собственной критике. Так же как ненавидел упоминание в любого рода критике себя. Но про себя-то он знал, что

для того чтобы действительно иметь право критиковать, необходимо чтобы человек знал о нем все или почти все. Да и тогда взгляд подобного человека будет исключительно субъективным, как бы не настоящим, поверхностным, продиктованным прежде всего проекцией собственной психики и имеющихся у такого человека знаний, его жизненного опыта, всего того, что в большинстве случаев исключительно индивидуально, и почти совсем не бывает похожим на суждение другого человека, ибо психика людей, как знал Алексей, имеет общие черты, но различается в частностях. И как раз такие частности иной раз способны уводить далеко в сторону от истинного понимания вопроса. Вот в чем дело.

Глава 9

Постепенно у Алексея стало вырисовываться истинное положение дел в его душе. Именно в душе, ведь именно душа, как понял он, и была квинтэссенцией разума, являющегося в данном случае лишь приложением к действительности, к его жизни в этой действительности, и даже вообще, к пониманию вопроса. Вот в чем дело, чуть не воскликнул Амосов, и тут же поймал себя на мысли что, во-первых, пытается опережать события, а во-вторых, пытается делать те вещи, которые раньше не осуществлял. Например, выражение эмоций. До этого эмоции Алексей если и выражал, то только тогда, когда это действительно было необходимо, то есть когда преследовало далеко

идушие цели. На меньшее он не рассчитывал, приучив себя сдерживаться. Но подобное если и было оправдано, то раньше. Сейчас Амосов понял, что может потихоньку начать позволять себе нечто большее, нежели чем он это делал ранее.

--И ведь что интересно,--подумал Амосов,-- если только предположить, что его жизнь была устроена таким образом, что находили отклик те чаяния души, те задатки, можно сказать даже нереализованные задатки, которые ранее лишь только просматривались, так вот, если все это было действительно так, то в этом случае он и действительно выходил на новые позиции жизненного существования. Если только предположить что это действительно так...

.....

Когда Алексей был маленьким, он стремился изжить в себе многие комплексы, к пониманию которых в более серьезной мере подошел много позже. Но и тогда он уже интуитивно угадывал нечто большее, чем это только могло быть. Предполагаться. Да, конечно же, и было.

.....

Понимание вопроса, понимание происходящей с ним ситуации, действительно вносило ту необходимую ясность мысли и свежесть в суждениях, которых раннее ему, быть может, и недоставало. И при этом Алексей

как-то интуитивно угадывал, что это всего лишь начало. А значит все, что с ним могло бы произойти, вселяло в его душу и сердце должное уважение, покой, и наверное даже в какой-то мере примирение. Потому как часто выходило так, что нечто, что ранее казалось ему в должной мере предрешенным, на самом деле оказывалось иным, чем это могло быть. Казаться. Ну и было, наверное. Наверное...

...Алексей видел, что вновь приходили эти ненужные сомнения. Можно сказать что он вообще (и давно) распрощался с любого рода сомнениями, так, по крайней мере, заставлял себя считать, и при этом словно бы подспудно догадывался что так еще не было. Не было в той действительности, в которой он проживал жизнь, и в соответствии с которой эта новая жизнь приносила ему все новые и новые обстоятельства существования, о которых ранее он только фактически...

Он запутался. Запутался вновь. Запутался, потому что (рассудил Алексей) было еще инее время. Его время еще не пришло. Наверное, так. Или как-то так. Что уже предполагало продолжение дальнейших поисков. И нахождение. Нахождение чего-то такого, что наверняка могло бы способствовать дальнейшему пониманию, или как минимум, приближением на пути к такому пониманию.

Часть 5

Глава 1

Конечно же, ему жизнь иной раз выносила колена. И то что он до сих пор еще оставался не только жив, но и сумел более-менее найти себя в жизни, был, конечно же (может даже и значительный) плюс как в его жизни, так и в проекции внутреннего уклада психики к жизненной адаптации. И что характерно, Алексей всего добивался сам. Ему не на кого было рассчитывать. Родных у него не было. С друзьями (обычно слишком быстро становившимися "бывшими") контакта он не поддерживал. И продолжал все время стремиться вперед. Тогда как было поистине большим вопросом, сможет ли он действительно куда-нибудь пойти (потому что приходилось все время ему что-то корректировать, искать, находить, идти вперед и не сдаваться).

.....

Конечно, он по сути уже давно находился на грани. Он жил так. Он понимал может жизнь иначе, даже видел что-то другое, да подобное видение на самом деле приходило к нему столь эпизодически, что Амосов и не знал, стоит ли, если по совести, считать это всерьез.

--Наверное, не стоило,--говорил он себе не раз, допуская, что если к вопросу подойти более серьезно, то еще могут открыться столь многие обстоятельства, что ему совсем не придется раздумывать над тем как надо действовать.

Притом что ему надо было вообще почаще действовать, как понимал он. Но и даже понимая подобное, он все равно продолжал находиться как бы на прежних позициях. Он видел мир, видел понимание мира, понимание того вопроса, в спектре которого фактически находился постоянно, и при этом не знал в точности насколько ему необходимо было бороться уже с таким своим видением. Но то что существовало оно - было однозначно. И то, что мог он, по сути, находить душевные компромиссы, пока было тоже однозначно. Пока - потому что все-таки Амосов рассчитывал на обновления в своей жизни. Как рассчитывал и на понимание вопроса существования необходимости подобных обновлений. Обновлений как факта, необходимого факта существования жизни, продолжения жизни, вообще, факта равноценности своего существования. И он жил. Продолжал жить. Обещая себе в ближайшее время полностью закрыть вопрос.

Глава 2

Он знал что нельзя "палиться". С недавних пор людей Алексей стал воспринимать совсем не так, как это было раньше. Он научился дистанцироваться, пресекая ненужные знакомства. Перестал жалеть, когда от него уходили люди. Уходили куда-то вдаль.

--Это ненужные, лишние люди,--говорил он. Причем если поначалу говорил как бы еще так, просто от того что чувствовал необходимость

произнести вслух наболевшее в душе, постепенно стал говорить осознанно, и искренне веря что это так. То есть от первоначального убеждения в чем-то себя, Алексей постепенно пришел к истинному пониманию вопроса. Он делал сам любое понимание истинным. И искренне верил, что это так.

Кроме того Амосов действительно понял что на верном пути. Понял по каким-то мельчайшим, и вроде как раньше незаметным деталям. Понял по тому, что наблюдал воочию изменения в жизни. Наблюдал как жизнь открывается перед ним другая. Понял и... не испугался этого. Он просто был готов к подобному. Был готов к тому, что то, что происходит, так и должно на самом деле происходить. Понял, что ему незачем теперь выдумывать мир, мир сам становился таким, какой он и должен быть. Пусть и быть в представлении Алексея. Но это скоро тоже должно было измениться. Потому что проходило время, и Алексей уже убеждался что все происходит так, как это и должно быть. И не надо было больше страшиться никаких изменений. Все постепенно становилось у него под контролем. Под контролем его феноменально развитой интуиции, его психики, его сознания и подсознания. И это нравилось Алексею. Потому что он постепенно претворял в жизнь собственные установки. Вот ведь как...

Подобному иной раз удивлялся и он сам. Но как бы уже не было, Алексей считал что

находится на правильном пути. Тем более что другого пути ему не надо.

Глава 3

Многое Алексей теперь видел не так как раньше.

Можно даже сказать, что видение мира приходило к нему как бы совсем с другой стороны, с иной плоскости восприятия. И при этом трудно было ему до сих пор еще до конца адаптироваться в той действительности, в которой он находился, пребывал, жил фактически. Да и что это была за жизнь. Видение мира то появлялось, то ускользало от него. И при этом, если к чему-то он еще и мог стремиться, то лишь благодаря тому эмпирическому бессознательному, благодаря тем установкам, которые входили в его психику, вступая в некий коррелят с уже имеющейся там информацией; информацией, по крупицам собираемой в течении жизни Амосова. Информации, которой еще предстояло подвергнуться какой-то особой верификации. Но которая пока имела право на существование, потому что просто иного было не дано, потому что Алексей должен был продолжать жить, потому что Алексей еще пребывал в том видении мира, который быть может должен был быть, нежели чем был на самом деле. Но это было поистине важным и необходимым на том этапе восприятия, на котором вообще все могло находиться.

.....
...

Он конечно понимал, что многое в его жизни делается пака не совсем так как хотелось бы.

Но ведь при этом он искал выход из создававшегося жизнью положения. И в поиске такого выхода становились, как он допускал, понимая, многие средства, которые проходили в спектре понимания как действительности вообще, так и его какого-то миропонимания в частности. И при этом Алексею как-то не очень хотелось признать что все что было раньше - было не верно. Нет, так просто не могло быть. Не могло, потому что, во-первых, он постоянно искал какие-то способы выхода из ситуации; во-вторых, верил что многое вообще никто не знает как должно быть по настоящему, а тем более как было. Просто потому что каждый видит то что он хочет увидеть, и мыслит в русле собственного понимания. А собственное понимание в таком случае базируется на пройденном жизненном опыте. И чем богаче был такой опыт, тем легче становится тому или иному человеку видеть что-то в определенном ключе.

А что далее - загадка. Почти такая, на которую дать какой-то положительный ответ - не только затруднительно, но и невозможно. Просто потому что каждый будет давать ответ в русле собственного понимания бытия. А это хоть и верно, но лишь наполовину. Такова жизнь.

Глава 4

Прошло еще почти совсем незначительное время, и Алексей понял, что он уже не сможет вернуться в прошлую жизнь. Но самое опасное для него было оказаться на распутье. Именно там, в чарующей неизвестности, таились все те опасности, которых он избегал всю свою жизнь. Самое страшное для Алексея было оказаться на перепутье дорог жизни. И потому он должен был во что ни стало делать выбор. Определяться. Определяться как с характером жизненных дорог, так и с теми коллизиями, которые вдруг слишком часто стали возникать на его пути, фактически не давая ему возможности предпринять что-то стоящее да настоящее. Время, самое опасное было потерять время; упустить возможность исправить совершенные ошибки. Сделать все так, чтобы впредь не совершать их.

Впрочем, последнее было лишь красивой иллюзией. Алексей знал, что несмотря на круговороты жизни и удары судьбы, он все равно будет совершать ошибки. А совершая их - периодически станет повторять. И так будет просто потому, что он был человек. А психика человека не может постигать лишь новый опыт; любая новая информация проходит верификацию временем. Но если не будет возможности вернуться назад, исправив прошлое, в душе будет накапливаться неудовлетворенность. Что чревато еще большими потрясениями души. Поэтому когда

какие-то события нового времени будут в каких-то позициях пересекаться с позициями времени прошлого, человек инстинктивно станет повторять их, надеясь в этот раз достигнуть иного результата. Поэтому Алексей периодически наступал на грабли, и они больно били бы его по голове, если бы со временем Амосов не научился группироваться, приспособливаясь к новым-старым обстоятельствам.

.....

Прошло еще какое-то время и Алексей Романович Амосов наконец-то выбрал для себя путь.

Фактически это оказался путь старый. Отличие оказывалось лишь в том, что теперь этот путь Алексей планировал пройти по-новому.

Вместо заключения

Жизнь таилась в ключе новых форм и новых возможностей Алексея.

Часть того что было он пока еще не угадывал, но что было точно - какая-то иная часть уже не только становилась понятная ему, но и таковою была.

И нельзя было иначе. Судьба сама толкала его сделать осознанный выбор. Этот выбор мог простираться в плоскости восприятия действительности, жизни, а мог пока только

намечаться. Но было верно, что даже несмотря на такое понимание, какого-либо окончательного понимания мира у Алексея еще не сформировалось. Он видел что это должно было быть так, и при этом пока до конца не верил что так будет. И не верил ни от какой-то неуверенности, а как раз потому, что жизнь, накладывая отпечатки на судьбу, требовало и внесения постоянных корректив. От этого у Алексея создавалось впечатление чего-то правильного, нужного, полезного, и видимо действительно очень-очень необходимого.

И пусть пока окончательной ясности да осознанности не было. Это видимо и должно было быть так, потому что если мыслить в русле диалектического материализма, все в мире течет и изменяется, как знал Алексей. Поэтому с возрастом он предпочитал несколько не торопить коней времени, предпочитая делать все осознанно и наверняка. Тем более что все равно подобное получалось достаточно быстро; хотя смотря, конечно, какой шкалой измерять подобный ход времени. Ибо уже давно становилось понятно, что у Алексея, в его видении мира, была своя, отдельная шкала. И согласно ей - все у него было правильно и хорошо. Да и относительно спокойно. Что было, быть может, самое главное.

Сергей Алексеевич Зелинский
19 сентября 2008 г.

© С.А.Зелинский. Свобода от себя,
или жизнь на грани реальности.